ПИОНЕР

Митинг начался

Стол полон желающими выступить заметками.

— Время! Скорей начинайте! Почему опаздываете?—кричат они со всех концов стола.

За столом появляется Кузька с большим портфелем.

— Тише, товарищи! Митинг „Пионера", посвященный вопросу о дружбе между ребятами, считаю открытым. Кто просит слова?

Тут поднялся такой шум, что Кузьке пришлось вытащить из портфеля большой рупор, чтобы его услышали.

— Будьте организованнее! Буду давать слово тому, кто раньше приехал. Первая Лида Головко.

Голоса. Откуда?

Кузька. Пионерка 9-го отряда г. Краснодара.

Головко. Я, товарищи, выскажусь только по одному вопросу: может ли пионер дружить с сыном нэпмана или кулака? По-моему никак не может. Дети кулаков и нэпманов привыкли к роскоши. Взгляды на жизнь у них совсем не такие, как у пионеров. Дети кулаков и нэпманов стремятся к богатству. Они думают только о себе. Очень мало детей кулаков и нэпманов, которые идут за дело рабочего класса. Большинство ребят идут за своими отцами. Дружа с пионерами, эти ребята могут на пионеров повлиять в плохую сторону.

Голос слева. А что же с ними делать?

Головко. Пионеры должны своей работой в отряде показать детям нэпманов и кулаков, что дорога эксплоатации трудящихся и накопления богатства, по которой идут их отцы, неверна и что дорога, по которой идут рабочие и крестьяне к социализму, самая верная.

Тот же голос. Как же убедишь их?

Головко. Этим может быть удастся убедить детей кулаков и нэпманов, и они может быть пойдут той же дорогой. Дружить же пионеры должны только со своими товарищами — детьми рабочих и крестьян.

Кузька. Следующее слово В. Омельянюку... (Кузька долго вертит заметку). Адреса нет. Должно быть оратор от волнения забыл написать. Чтобы он успокоился, даю ему выпить стакан воды.

Мрачный голос. Смотрите, чтобы в выступлениях поменьше воды было... (Смех.)

Омельянюк. Думаю, что дружба всем звеном лучше, чем между двумя-тремя ребятами. У нас обычно бывает так: пионерская и общественная работа—одно, а дружба—другое. Как только пионеры ушли с сбора—звено исчезает. Ребята делятся на маленькие группки. Звено ничего не знает о личной жизни ребят. На сборе ребята самые примерные, а со своими товарищами—хулиганят, ходят к гадалкам, на мещанские вечеринки. Часто звено по-одному воспитывает ребят, а товарищи или подруги—по-другому. По-моему звено должно создать тесную дружбу между всеми своими ребятами. Для этого звено должно заниматься не только обыкновенной работой, но и вместе ходить в кино и на каток, приходить в гости к ребятам. Я думаю, что очень и очень хорошо бы шла работа пионеров, если б они все были дружными. (Аплодисменты.)

Кузька. Тише! Слово Мише Френкелю из Шепетовки.

Френкель. Я хочу высказаться по вопросу о дружбе ребят разных национальностей. Во-первых я хочу сказать вот что: какая разница между русским и евреем, татарином и негром? Ведь русский пионер ничем не отличается от пионера-еврея. А между тем тесной дружбы между ними мы часто видим. Даже в классе, в школе вы можете увидеть русских, сидящих на одной стороне, а евреев—на другой. Этого не должно быть.

Кузька. Слово редактору „Пионера".

Редактор. Уважаемые товарищи, заметки и их авторы! По усиленной просьбе т. Кузьки вынужден дать несколько советов для выступающих. В своих речах надо приводить больше фактов. Вот т. Френкель сказал о вражде между русскими и еврейскими пионерами. Его выступление было бы гораздо убедительнее, если бы он привел несколько точных фактов об этом (указал бы фамилию, место, время). Товарищ Френкель очевидно хотел рассказать, как у него в отряде и в школе борются с национальной враждой. Но почему-то промолчал. А ведь это должно было быть самым важным в его выступлении. Тов. Головко тоже ничего не сказала — каким образом убеждать детей наших классовых врагов. Вот один товарищ и не поверил ей, что это можно сделать. (Хочет сесть.)

Два голоса (перебивая друг друга). А ваше мнение о дружбе?

Редактор (хочет что-то сказать).

Кузька (перебивая редактора). Прошу не вмешиваться в мои председательские права. Редактор выскажет мнение редакции в самом конце митинга. Пока же митинг этого номера об'являю закрытым.

В следующем номере, кроме нескольких ребят, выступит председатель Центрального бюро пионеров т. Северьянова.

Редколлегия: Н. БУЛАТОВ, И. ЖЕЛОБОВСКИЙ, Б. ИВАНТЕР, И. РАЗИН, М. ЭПШТЕЙН Отв. редактор И. РАЗИН

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

АПРЕЛЬ
№ 7

ПИОНЕР

двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

Повесть Л. КАССИЛЯ
Рисунки А. БРЕЯ
(Продолжение)

ЖУРАВЛИ И ЛЕБЕДИ

После скандала со звонками гимназия временно как будто немного притихла. Кровопролитные мордобития, дикие выходки, кражи и дебоши стали пореже. Зато режим в гимназии стал еще суровее. И Цап-Царапыч то и дело потрясал гипсовые основы античного искусства, отпирая шкаф с кондуитным журналом и беспокоя преклонных лет Венеру. Строжайше были запрещены прогулки по платформе и народному саду. Серая тоскливая нудь сочилась изо дня в день, с одной странички учебного дневника на другую. Учителя свирепствовали. На уроках у стен выстраивались рядами наказанные. В журналах выстраивались осенними журавлями косяки носатых единиц. Лебедями плыли двойки.

ТРИ „Е" И ТАРАКАНИЙ УС

Особенно рьяно разводил „журавлей" и „лебедей" учитель латинского языка Вениамин Виталиевич Пустынин, прозванный за длинные, торчком по-вильгельмовски стоящие усы „Тараканий Ус", или по-латыни „Taracanius". Была у него и другая, весьма распространенная в нашем классе, кличка „Длинношеее". Был Тараканиус худ, носат и похож на единицу. Шея у него была длинющая, по-верблюжьи раскачивалась она над крахмальным воротником с острыми углами. Однажды на уроке Гавря, желая потешить класс, спросил Тараканиуса:

— Вениамин Витальич! Хотя у нас сейчас не русский, об'ясните, пожалуйста, ведь есть такое слово, которое на три „е" кончается?

— Есть,—ничего не подозревая, отвечал Тараканиус,—есть! Например вот длинношеее...

Класс грохнул, Гавря, торжествуя, сел. С того дня Тараканиуса в классе и всюду встречали три громадные буквы „Е". Они глядели с классной доски, с кафедры, с сиденья его стула, со спины его шубы, с дверей его квартиры. Их стирали. Назавтра они появлялись снова.

Тараканиус бледнел, худел и ставил единицы в тетрадках и дневниках. У него была страсть к маленьким тетрадочкам, куда мы записывали латинские слова. Вызывая на уроке ученика, он непременно каждый раз требовал иметь на руках эту тетрадку.

— Тэк-с,—говаривал он,—урок, я вижу, ты усвоил. Ну-с! Дай-ка тетрадочку. Посмотрим, что у тебя там делается... Что!? Забыл дома?! И смел выйти отвечать мне урок без нее! Садись. Единица!

И никакие просьбы, никакие мольбы не спасали. Единица!

В нашем классе были два ученика: Алексеенко и Алеференко. Однажды Алексеенко забыл пресловутую тетрадочку. Тараканиус вошел в класс, воссел на кафедре, надел пенснэ и негромко вызвал.

— Але... ференко!

Алеференко, сидевший позади Алексеенко, пошел к кафедре. Алексеенко, которому со страху почудилось, что вызвали его, вскочил и уныло пробасил:

— Я тетрадку забыл, Вениамин Витальич... со словами...—и замер от ужаса: к кафедре подходил Алеференко...

— Обознался!.. Ой, дурак!..

Тараканиус невозмутимо обмакнул перо в чернила.

— Ну, собственно, я не тебя, а Алеференко вызывал. Но раз уже сам сознаешься—получай по заслугам.

Поставил единицу.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГВАРДИЯ

Звонок. Кончилась перемена. Стихает шум в классе. Идет! Все за партами разом вскочили. Приближается историк. Белокурые мягкие волосы напробор. Худое, совсем молодое, бледное лицо. Громадные голубые глаза. Голова чуть-чуть склонилась ласково набок. Воротничок ослепителен. Кирилл Михайлович Ухов вихрем влетает в класс, бросает на кафедру журнал. Класс на ногах. Кирилл Михайлович осматривает класс, взбегает на кафедру, забегает в проход сбоку, садится на корточки. Вдруг голубые глаза сверкают. Высокий голос срывается в крик:

— Кто! там!! смеет!!! садиться!!!? Я еще не сказал... садитесь. Встаньте и стойте!!! и вы там!!! и вы!!! и вы! Негодяи! Остальные—сесть. Руки на парту. Обе. Где рука? Встаньте и стойте! А вы к стенке!!! Прямо! Ну... тишина! Кто это там скрипит? Шалферов? Встаньте и стойте! Молчать!

Человек четырнадцать стоит весь урок. Историк рассказывает о древних царях и коронованных лошадях. Ежеминутно поправляет галстух, волосы, манжеты. Из-под манжеты левой руки блестит толстый золотой браслет—подарок какой-то легендарной поклонницы. Четырнадцать человек стоят. Урок идет томительно долго. Ноги затекли. Наконец учитель смотрит на часы. Щелкает золотая крышка. Стоящие нерешительно покашливают.

— Простудились?—спрашивает заботливо историк.—Дежурный, закройте все форточки. На них дует.

Дежурный закрывает форточки. Урок идет. Наказанные стоят, переминаясь с ноги на ногу. Взглянув еще раза два на часы, историк вдруг говорит:

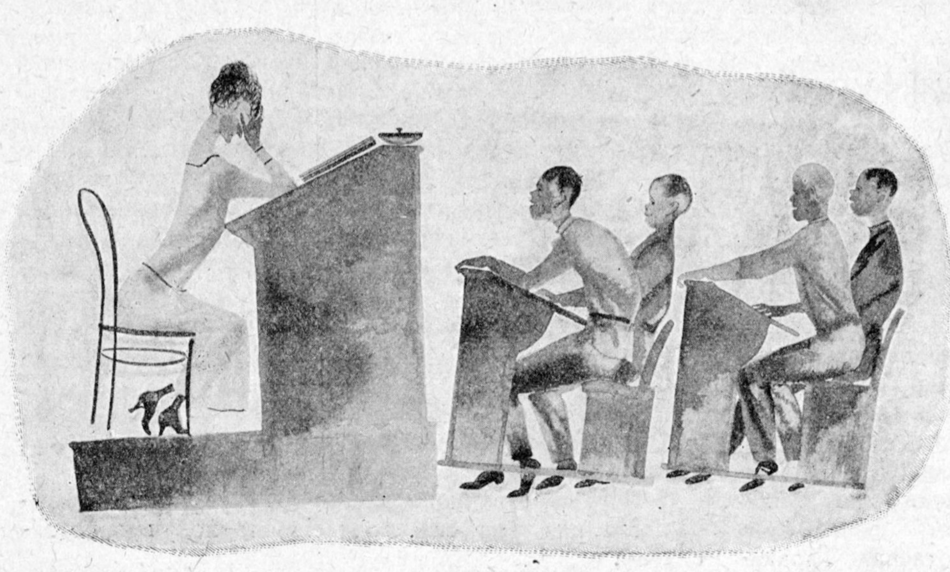
— Ну, гвардия, садитесь...

Ровно через минуту всегда звонит звонок.

СРЕДИ БЛУЖДАЮЩИХ ПАРТ

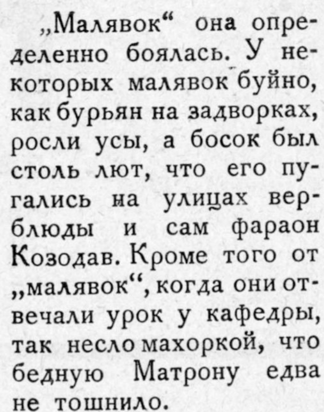
Француженку нашу звали Матрена Мартыновна Бадейкина. Но она требовала, чтобы мы звали ее Матроной—Матрона Мартыновна. Мы не спорили.

До третьего класса она звала нас „малявками“. От третьего до шестого—„голубчиками“. Дальше—„господами“.

Парты начинали под‘езжать к кафедре.

„Малявок“ она определенно боялась. У некоторых малявок буйно, как бурьян на задворках, росли усы, а босок был столь лют, что его пугались на улицах верблюды и сам фараон Козодав. Кроме того от „малявок“, когда они отвечали урок у кафедры, так несло махоркой, что бедную Матрону едва не тошнило.

Тараканий ус.

— Не подходите бли-же! — вопила она. — От вас, пардон, несет.

— Пирог с пасленом ел, — учтиво об‘яснял „малявка“, — вот и несет от отрыжки.

— Ах, мон дье! Причем тут паслен? Вы уж насквозь прокурены...

— Что вы, Матре... тьфу! Матрона Мартыновна! Я же некурящий. И потом.. пожалуйста... пы-ыжкытэ ла класс?

От последнего Матрона таяла. Стоило попросить только разрешение выйти по-французски, как Матрона расплывалась от счастья. Вообще же она была, как мы тогда считали, страшно обидчивой. Напишешь гадость какую-нибудь на доске по-французски, платье к кафедре приколешь, дохлую крысу в чернильницу заткнешь или еще что-нибудь шутя сделаешь,—а она уж в обиду. Запишет в журнал, обидится, закроет лицо руками и сидит на кафедре. Молчит. И мы молчим. Потом по команде Биндюга парты начинали тихонько под‘езжать полукругом к кафедре. Мы очень ловко умели ездить на партах, упираясь коленками в ящик парты, а ногами в пол. Когда весь класс оказывался у кафедры, мы тихонько хором говорили, строя жуткие рожи:

— Же-ву-зем... же-ву-зем... же-ву-зем... [1]

Матрена Мартыновна открывала глаза и видела себя окруженной со всех сторон с‘ехавшимися партами. А Биндюг вставал и трогательно, галантно басил:

— Вы уж нас пардон, Матрена Мартыновна! Не серчайте на своих малявок... Гы!.. Зачеркните в журнальчике, а то не выпустим...

Матрона таяла, зачеркивала. Класс отбивал торжественную дробь на партах. „Камчатка“ играла отбой. Парты отступали.

Вскоре нам надоело каждый раз об‘ясняться в любви нашей „франзели“, и мы вместо „же-ву-зем“ стали говорить „Новоузенск“. Же-ву-зем и Новоузенск—очень похоже. Если хором говорить, отличить нельзя. И бедная Матрона продолжала воображать, что мы хором любим ее, в то время как мы повторяли название близлежащего города...

[1] Я вас люблю.

В искусстве же „парт-движения" мы достигли больших результатов. На уроках рисования например класс был полон блуждающих парт. А Степка Гавря, по прозвищу Атлантида, воспользовавшись шумом, ухитрился раз даже уехать на парте из класса. Таким же путем он через пять минут триумфально в'ехал в класс, заявив обомлевшему учителю рисования, что ездил за водой для акварели. Сосуд же для воды наглухо приделан, как он об'яснил, к парте, и без парты поэтому он за водой ходить не может...

Кончилось это увлечение движением однако плачевно. Вслед за партами лихорадка туризма об'яла и другие вещи. Так, однажды поехал по коридору большой шкаф, из учительской уехали галоши Цап-Царапыча. Когда же раз на уроке, встав на дыбы, помчалась кафедра, на которой восседала франзель Матрона и под которой сидел Биндюг с приятелем, тогда в дело столоверчения вмешался дух директора, и герои попали в кондуит. Класс же весь сидел два часа без обеда.

ЦАРСКИЙ ДЕНЬ

С утра в окно виден трепыхающийся слоеный белым, синим и красным флаг. На календаре красные буквы: «Тезоименитство его величества»... У церкви Петра-Павла колокол с трещиной:

— Ан-дрон!.. Ан-дрон!.. Ан-дрон!..

— Ти-ли-лик-нем по-маленьку... тилиликнем помаленьку...

К одиннадцати—в гимназию. Молебен.

В коридоре парами стоят классы. Жесткие с серебряными краями воротники мундиров врезаются в шею. Тишина. Ладан. Духота. Батюшка—тот самый, который на уроках закона божьего бьет гимназистов корешком евангелия по голове, приговаривая „стой столбом, балда",—в нарядной ризе гнусавит очень торжественно. Поет хор. Суетится маленький волосатый регент.

Классы стоят не шелохнувшись. Чешется нос. Нельзя почесать. Руки по швам. Тишина. Жара. Душно...

— Многая лета! Мно-огая ле-ета!..

— Николай Ильич... Боженов рвать хочет...

— Тс-с-с... Тихо! Я ему вырву!..

— Многая ле-е-ета-а...

— Николай Ильич... он, ей-богу, не сдержит...

— Тс-с-с!

Тишина. Духота. Дисциплина. Руки по швам. Второй час на исходе.

— ...Бо-о-оже царя храни!..

Директор выходит вперед и словно из детского пистолета коротко стреляет:

— Ура.

— Уррря-а-а-а!!!!!..

Коридор сотрясается. Директор еще раз:

— Ура.

— Уррряаааа!!!!!..

Еще раз... Эх раз, еще раз!..

— Ура.

— ... а-а-а-а-а... ыак...

— Николай Ильич, Боженова уже рвет...

— ... Боже, царя храни...

Боженова уносят. Обморок. Молебен окончен. Можно почесать нос, на один крючок расстегнуть ворот!

Часть вторая

„ФЕВРАЛЬСКИЙ КОНДУИТ"

О КРУГЛОЙ ЗЕМЛЕ, ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И МАЛЕНЬКОМ МОРЕ

Папа и мама ушли в гости. Ахнуло парадное, и от сквозняка по всему дому двери передали друг другу эстафету. Аннушка тушит в гостиной свет—слышно, как щелкнул выключатель—и уходит на кухню. Немного жуткая пустота влезает в дом. Тикают часы в столовой. В стекла окон рвется ветер. Я сажусь за стол и делаю вид, что готовлю уроки.

Многая лета...

Братишка Ося рисует пароходы. Много пароходов. И у всех из труб—дым. Я беру у него красно-синий карандаш и начинаю раскрашивать в учебнике латинские местоимения. Все гласные буквы—красными, согласные—синими. Очень красиво получается.

Вдруг Ося спрашивает:

— Леля! А почему знают, что земля круглая?

Это я знаю. Про это есть на первой странице географии. И я долго рассказываю Осе про корабль, который уходит в море, далеко-далеко. Потом он скрывается за горизонтом. Его не видно. Значит земля круглая.

Но Ося не удовлетворен.

— А может быть он утонул, корабль?—говорит он.—А, Леля? А?

— Не приставай, пожалуйста! Видишь, я уроки учу.

Раскраска местоимений продолжается. Молчание.

— А я знаю, почему знают, что земля круглая,—говорит опять Ося.

— Ну и знай!

— Знаю! Потому что глобус круглый... Что-о? Вот!

— Дурак ты сам круглый. Вот что.

У Оськи пухнут губы. Грозит ссора. Но... в кабинете отца громко звонит телефон. Мчимся наперегонки в кабинет. Там пусто, темно и страшно. Но я поворачиваю выключатель, и комната сразу меняется, как проявленный негатив фотографии. Окна были светлыми, стали черными. Рамы были черными, стали светлыми. А главное не страшно. Я беру трубку и говорю важным папиным голосом:

— Я вас слушаю! Что?

Оказывается звонят из Саратова. И звонит наш любимый дядя Леша. Он очень давно не приезжал к нам. Мама говорила нам, что он уехал далеко. Но мы с Оськой подслушали раз, что он вовсе сидит в тюрьме за то, что он против царя и войны. А теперь значит его выпустили. Вот хорошо! И мы оба кричим в трубку:

— Дядечка! Приезжай!

— Ладно, ладно,—смеется в телефон дядя.—А ты, Леля, не забудь передать маме, папе, когда придут, что звонил я и сказал, что в России революция... Временное правительство... Царь отрекся... Повтори!—и голос у дяди какой-то необычный, веселый.

— Дядечка!—кричу я.—Как же это так вышло?

— Ты еще маленький. Не поймешь.

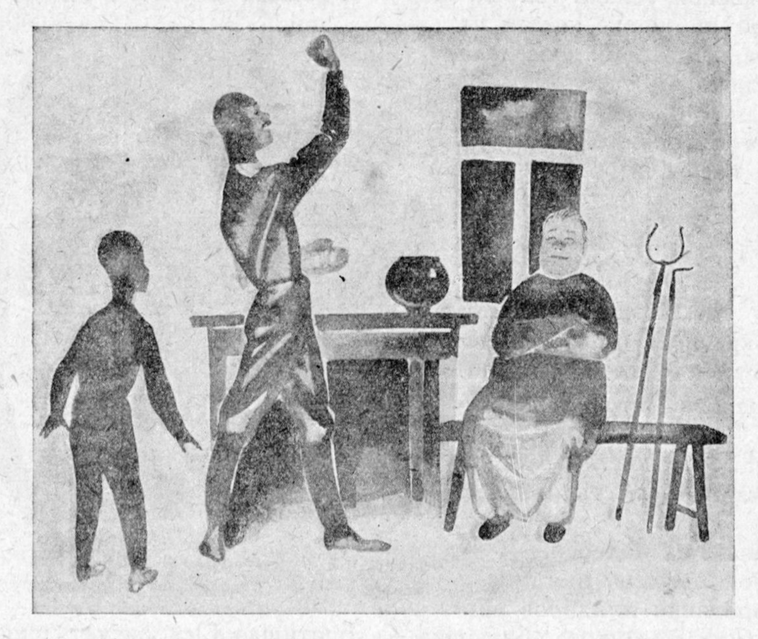
— Нет, пойму,—обиделся я, — нет, пойму. Я уже в третьем.

И дядя, из Саратова, из-за Волги, рассказывает по телефону о войне, расстреле рабочих, еврейских погромах, о революции, равенстве, братстве...

— Вы кончили? — вползает в трубку чужой голос.—Время истекло.

„Кррах!“ Нас разъединили. А я стою, сразу словно вырос на три года. Я стою и готов взорваться от всего того, что услышал от дяди.

Но тут взгляд мой падает на Оську. Он стоит смущенный...

— Дождались!—говорит солдат.

— Эх ты,—возмущаюсь я,—а еще знает, отчего земля круглая. Как не стыдно! Напустил...

— Я терпел-терпел, пока ты кончишь по телефону... и не заметил.

Я бегу на кухню. В кухне у Аннушки гость, знакомый раненый солдат. Черный и угрюмый. А на груди серебряный георгиевский крестик. Восторженно кричу:

— Аннушка!.. Во-первых теперь революция... свобода и без царя!.. А во-вторых... Оське надо штаны переодеть и в кабинете вытереть...

И, задыхаясь, я рассказываю все, что слышал от дяди. И вдруг Аннушкин солдат встает. Левая рука у него забинтована. Правой он обнимает меня. Я оторопел. Солдат крепко прижимает меня к себе:

— Эх, милай! Вот разуважил. Спасибочко! Неужто ж правда?!—И грозит большим кулаком кому-то в черные окна.— Ну, погоди. Дождались!..

Я смотрю в окна. Но там никого нет. А солдат извиняется:

— Вы меня простите, молодой человек... Уж больно вы меня того... Дык как же... Господи ж... почитай три года за кровь нашу... Вот спасибочко... Ровно праздник...

Нос у него страшно морщится. Чихнет сейчас наверное.

РАЗГОВОР ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ

В столовой я влезаю на стул и стучу в отдушник. Это вроде телефона. Наверху живут Нюра и Вера Живильские. У них тоже отдушник. У нас постучишь—наверху слышно. В отдушнике Нюрин голос:

— Слушаю!

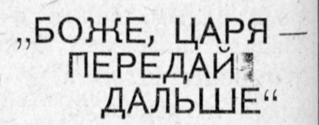
— Здравствуйте! (Вообще мы на „ты“, но по „телефону“ надо говорить „вы“). Здравствуйте, Нюра. Большие новости! Революция, и у нас солдат сидит.

— А у меня чего есть,—говорит Нюра.—Отгадайте?

— Еще где-нибудь революция?

— Нет! Крестная сервиз подарила и даже с молочником.

Я бросаю труб... Виноват! Захлопываю отдушник. Разве они могут понять! И я, одевшись, бегу к товарищу-соседу, чтобы порадовать его. А латынь так и осталась невыученной.

„БОЖЕ, ЦАРЯ — ПЕРЕДАЙ ДАЛЬШЕ“

Утром Аннушка будит нас на этот раз так—она поет:

— „Вставай, подымайся рабочий народ“. В гимнастию пора!

Рабочий народ (я и Оська) вскакивает. За завтраком я вспоминаю о невыученных латинских местоимениях „хик, хек, хок...“

Выходим вместе с Оськой. Тепло. Оттепель. Извозчичьи лошади машут торбами. Оська, как всегда, воображает, что это лошади кивают ему. Ося очень вежливый мальчик. Он останавливается около каждой лошади и, кивая головой, говорит:

— Лошадка, здравствуйте!

Лошади молчат. Извозчики, которые уже знают Оську, кричат за них. Одна лошадь пьет из ведра. Оська спрашивает извозчика:

— Лошадка тоже какао пьет? Да?

Бегу, мчусь в гимназию. Они ведь еще не знают. Я ведь первый.

Раздевшись, влетаю в класс и, размахивая на ремнях ранцем, ору:

— Ребята! Царя свергли!!!

— !!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Цап-Царапыч, которого я не заметил, закашлявшись и краснея, кричит:

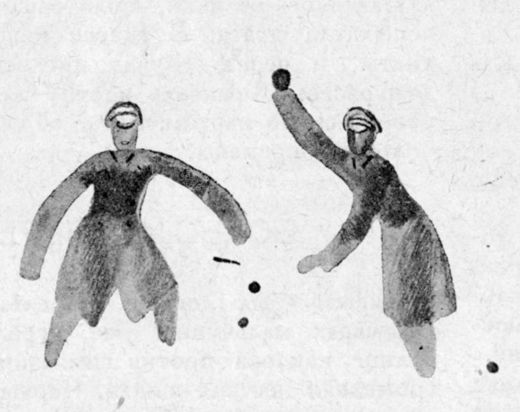
— Ты что? С ума сошел? Я с тобой поговорю. Ну, живо! На молитву! В пары.

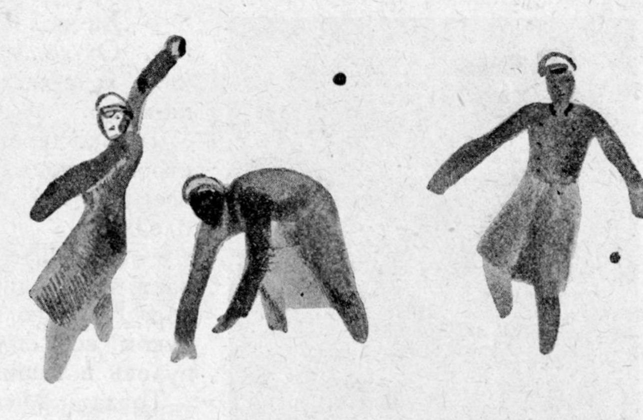
Но меня окружают, меня толкают, расспрашивают. Коридор гулко и ритмично шаркает. Классы становятся на молитву.

Директор, сухой, вытюженный и торжественный, как всегда, промерял коридор вытюженными ногами. Зазвякали латунные бляхи. Стихли.

Батюшка, черный, как клякса в чистописании, надел епитрахиль. Молитва началась.

Мы стоим и шепчемся. Неспокойно в рядах, шепот:

— А в Питерето революция.

— Это наверху, где Балтийское раскарячилось.

— Ну да, здоровый кружок; на немой карте и то сразу найдешь.

— А там, историк рассказывал, Петр Великий на лошади и домищи больше церкви.

— А как это интересно, революция?..

— Это, как в пятом году. Тогда с японцами война была. Народ и студенты по улице ходили с красными флагами, а казаки и крючки их нагайками. И стреляли.

— Вот сволочи!

— Эх, чорт! Сегодня письменная... Опять пару влепит. Плевать! Зато революция!

...Иже еси на небеси!..

— Вот тебе и царь... Поперли. Так и надо. Зачем войну сделал.

— Это не он. Это—Вильгельм.

— И Вильгельма бы тоже!

— А война—это интересно.

— Издали все интересно, а попадешь туда, так живо штаны-то...

— Пфхы!..

— Тише вы! А уроков меньше задавать будут?

...Во веки веков, аминь...

— Наследник-то в каком классе учится? Небось кругом на пятках... Ему чего! Учителя не придираются.

— Ну теперь ему не того будет. Наловит пар. Узнает.

— Стоп! Как же генетив плюраль [1] будет?.. Ну, ладно. Сдуем.

По рядам пошла записка. Записку эту написал Степка Атлантида (потом эта записка вместе с Атлантидой попала в кондуит). На записке было:

„Царя ливерной колбасой по сливочному ряду, не пой „боже, царя", передай дальше".

...От Луки святого евангелия чтение...

Робкий, веснушчатый третьеклассник прочел спотыкаясь притчу. Инспектор подсказывал, глядя в книгу через его плечо.

Последняя молитва:

.... .родителям на утешение, церкви и отечеству на пользу.... Сейчас, сейчас! Мы насторожились... „Господствующие классы" прокашлялись. Мм-да!

Маленький длинноволосый регент из Троицкой высморкался торжественно и трубно. На дряблой шее регента извивалась похожая на дождевого червя сизо-багровая жила. Нам всегда казалось, что вот-вот она лопнет. Регент левой рукой засовывает цветной платок сзади, в разрез фалд лоснящегося сюртука. Взвивается правая рука с камертоном. Тонкий металлический „зум" расплывается в духоте коридора. Регент поправляет засаленный крахмальный воротничок, выуживает из него тонкую, будто ощипанную шею, сдвигает в козла бровки и томно вполголоса дает тон:

— Ля-а-а!.. Ля... а... а...

Мы ждем. Регент вскидывается на цыпочки. Руки его взмахивают подымающе. Дребезжащим, словно палец об оконное стекло, голосом он запевает:

— Боже, царя храни...

Гимназисты молчат. Два-три неуверенных дисканта попробовали подхватить. Сзади Биндюг спокойно сказал, как бы записывая на память:

— Та-а-ак...

Дисканта завяли.

А регент неистово машет руками перед молчащим хором. Наканифоленный его голос скрипит кобзой:

... Сильный, державный, царствуй...

И тут мы не в силах сдерживаться больше. Нарастающий смех становится непередыхаемым. Учителя давятся от смеха.

Через секунду весь коридор во власти хохота. Коридор грохочет. Усмехается инспектор. Трясет животом Цап-Царапыч. Заливаются первоклассники. Ревут великовозрастные. Хихикает сторож Петр.

Бой с «монархистами».

[1] Генетив плюраль (genetiv plural)—родительный падеж множественного числа по-латыни.

Автор „Кондуита" И. Киссиль—не теперь конечно, а тринадцать лет тому назад.

— Ха-ха... Ты-ги... Ох-хо... Хи-хи... хехе-хе. Ах-ха-ха-ха.

Только директор строг и прям, как всегда. Но еще бледнее.

— Тихо!!! — топает ногой директор. Под его каблуком все сплюснулось в тишину.

Тогда Митька Ламберг, коновод старшеклассников,— восьмиклассник Митька Ламберг тоже кричит:

— Тихо! У меня слабый голос.

И запевает. „Марсельезу".

„НА БАРРИКАДАХ"

Я стоял на парте и ораторствовал. Из-за печки, с „Сахалина" поднялись двое: лабазник Балдин и сын пристава Лизарский. Они всегда держались парой и напоминали пароход с баржей. Впереди широкий, загребающий на ходу руками, низенький Лизарский. За ним, как на буксире, длинный черный Балдин. Лизарский подошел к парте и взял меня за шиворот.

— Ты что тут звонишь, жидовская морда!—сказал он и замахнулся.

Громадный второгодник Мартыненко, по прозвищу „Биндюг", подошел к Лизарскому и отпихнул его плечом:

— А ты что лезешь? Хиба по пыци хошь? Монархыст...

— Твое какое дело? Балда, дай ему!

Балдин безучастно грыз семечки. Кто-то сзади в восторге запел:

„Пароход баржу везет,
Батюшки!
Баржа семечки грызет,
Матушки!"

Балдин ткнул плечом в грудь Биндюга. Произошел обычный негромкий разговор:

— А ну, не зарывайсь!

— Я не зарываюсь. Фря какая!

— Ты легче на повороте. А то как хлобыстну по кумполу.

— А ну, хлобыстни...

Наверное от искр, полетевших из глаз Балдина, вспыхнула драка. В классе нашлись еще „монархисты", и через секунду дрались все. Лишь крик дежурного: „Франзель идет!"—заставил противников разойтись по партам. Было об'явлено перемирие до большой перемены.

БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА

Дивный был день. Оттепель. На обсыхающих тротуарах мальчишки уже играли в бабки. И на солнце, как раз против гимназии, чесалась о забор громадная пестрая свинья. Черные пятна расплылись по ней, как чернильные кляксы по белой промокашке.

Мы высыпали во двор. Солнца—пропасть. А городовых—ни одного.

— Кто против царя — сюда! — закричал Степка Гавря, по прозвищу Атлантида.—Эй, монархисты! Сколько вас сушеных на фунт идет?

— А кто за царя—дуй к нам! Бей немцев и жидов!

Это заорал Лизарский. И сейчас же замелькали снежки. Началось настоящее сражение. Вскоре мне влепили в глаз таким крепким снежком, что у меня закружилась голова, и в глазах заполыхали зеленые и фиолетовые молнии... Но мы уже побеждали. Монархистов прижали к воротам. „Сдавайтесь!"—кричали мы им. Однако они ухитрились вырваться на улицу. Увлекшись, мы вылетили за ними. И попали в засаду... Дело в том, что неподалеку от гимназии помещалось ВНУ (высшее начальное училище). С „внучками" мы издавна воевали. Они дразнили нас „сизяками" и били при каждом удобном случае (ну, надо сказать, что в долгу мы не оставались). И вот наши „монархисты", изменники, передались на сторону „внучков" и вместе с ними накинулись на нас.

— Бей сизяков! Гони голубей! — засвистела эта орава, и нас „взяли в работу".

— Стой!—вдруг закричал Степка Антлантида.—Стой!

Все остановились. Степка влез на сугроб, провалился, снова влез и снял фуражку.

— Ребята,—сказал он,—хватит драться. Повозились и ладно. Ведь теперь будет... как это, Лелька... тождество?.. Нет... Равенство! Всем гуртом, ребята. И войны не будет. Лафа! Мы теперь вместе...

Он помолчал немного, не зная что сказать. Потом спрыгнул с сугроба и решительно подошел к одному из „внучков".

— Давай пять!—сказал он и крепко пожал школьнику руку.

— Ура!—закричал неожиданно для себя я, и сам испугался. Но все закричали „ура" и захохотали. Мы смешались со школьниками.

В это время сердито зазвонил звонок.

Читайте продолжение повести „Кондуит" в № 9 журнала „Пионер" шлите ваши отзывы в реданцию.

Как я стала учительницей

В ответ на поднятый в „Бумеранге" вопрос „Кем я хочу быть?" редакция печатает ряд очерков о том, как люди приобретают себе профессию. В следующих номерах читайте „Как я стал художником, слесарем, инженером".

Я была пионеркой. Работала в одном из московских отрядов и даже не знала, кем я хочу быть.

На педагогические курсы попала случайно. До конца учения было далеко, и я училась, совсем не думая о том, что я могу когда-нибудь сделаться учительницей.

Первое мое выступление в роли педагога случилось вот как: одна из первых групп осталась без руководительницы, и я пошла заменить ее. Класс попался на редкость шумный и неорганизованный. Увидя мою несолидную особу, ребята удвоили шум. Особенно отличалась одна маленькая девчушка с крысиным хвостиком вместо косички. Она вертелась как сумасшедшая, дергая подруг за платья и поминутно вскакивая. Наконец я не выдержала. Подкралась к ней сзади и чуть не стукнула кулаком по голове. Я подумала—едва ли из меня выйдет учительница.

Кончался второй и последний год моего учения. По курсам бродил призрак—„Мелекесс". Мелекесс—уездный город Самарской губернии. Все мелекесские деревни снабжались учителями производства наших курсов.

У нас был выбор—Мелекесс или... Камчатка. Впереди лето. До осени было так далеко, что даже Камчатка была нестрашна. Однако я выбрала Мелекесс. Послала туда заявление.

Лето прошло быстро. Однажды я получаю бумажку: „Мелекесское УОНО сообщает вам, что не позже 10 августа вы должны быть на месте службы, в противном случае"... и т. д.

Нас было двое. До от'езда—5 дней. Если бы срок был больше, мы бы пожалуй не решились, но раздумывать было некогда, и мы, несмотря на страх, решились.

Учителя в восторге: „Молодцы, ребята, поезжайте, там вы будете культурными светочами". Мы вежливо улыбались. Хотя мы теперь и полноправные товарищи (даже в одном профсоюзе состоим), но не решаемся сказать того, что думаем: „А не согласитесь ли вы посветить там вместо нас?"

Настал день от'езда. Сели в поезд. Вдруг знакомые голоса и плач. А! Это девчата нас провожать пришли; только зачем они, дураки, прежде времени нас оплакивают. Даже неприятно стало, ведь не на смерть едем.

Поезд тронулся, а плач не утихает. Галлюцинация слуха? Пошли проверить. Девчата здесь!? Оказывается мы не одни. В Мелекесс едет нас четверо. Четыре молодых педагога. Самой молодой семнадцать лет, старшей—девятнадцать.

Мечтаем о том, как мы будем орудовать в одной школе. Распределяем обязанности. Я беспокоюсь о своей солидности, и ребята сооружают из моих двух косичек грандиозную прическу.

Мелекесс все ближе и ближе.

Стой, приехали. Да разве это город? Вокзал не лучше какой-нибудь подмосковной Перловки.

Наняли подводу, поехали. Остановились в Доме крестьянина. Кое-как переночевали. Утром в УОНО.

Всю московскую прыть с нас как ветром сдуло. Стали тихонькие. Пошли к заву. Просим дать назначение четверым в одну школу. Оказалось, есть 4 свободных деревни. Все в разных волостях, километров за 100 друг от друга. Одна из них однокомплектная.

Мы от ужаса не могли слова сказать. В разные деревни! А зав торопит: „Выбирайте, кто в какую". Решили тянуть жребий. Вытащила. На бумажке надпись *Кондурча*. Школа однокомплектная, то есть я буду там единственной учительницей. Не повезло.

До Кондурчи 80 километров поездом, дальше на лошади. В поезде не выдержала—разревелась. Ночью приехала на станцию. Хочется спать, и боюсь как бы вещи не утащили. Привязала их веревкой к рукам и ногам и заснула. Встала рано. Холодно и страшно.

Приезжаю в Кондурчу. Маленькая деревенька. Из домов выглядывают удивленные лица.

— Где у вас школа?

— Чего?

— Школа.

— У нас ее нет.

Оказалось школы действительно нет. Восемь лет деревня без учителя. Все ребята неграмотные. Ночью в Избе крестьянина лежу и думаю: не повезло мне, а впрочем может быть и повезло, поживем—увидим!

Через месяц в Кондурче была школа. Правда она состояла из одной комнаты. Старые парты были починены. Раздобыли доску с громадной трещиной посреди.

Первый день занятий. Полно ребят. Сидят школьники, боясь сказать слово.

Перезнакомились, и началась работа. С утра в школе ребята уже все на местах, они приходят, когда на улице еще темно.

В школе две группы в одной комнате, так как знания у ребят оказались разные. Нельзя сказать, чтобы с ними было очень легко справиться. Правда по головам их стукать не приходилось. Парт мало, ребята сидят чуть ли не друг на друге. Парты заполняют все помещение так, что мне приходится все уроки стоять: для стула нет места.

Вечером ребята прибегают ко мне, читают книжки, слушают мои рассказы. Но больше всего их интересует чудо науки и техники—примус.

Я не жалею, что выбрала Мелекесс. Однако от мысли поехать на Камчатку не отказываюсь.

ДАЕШЬ ХЛЕБ! ДАЕШЬ ВЫСОКИЙ УРОЖАЙ!

Ко всем учащимся школы I ступени

Рисунки Н. К.

Дорогие товарищи!

Нашей стране нужен хлеб.

Рабочие и крестьяне нашей страны совершили великую революцию. Они освободили нашу страну от царя, чиновников, помещиков и капиталистов, они взяли ее судьбу в свои руки, они решили вести ее к социализму, т. е. такому порядку, который изгонит окончательно тьму невежества, нищету, болезни, вражду между людьми, все те горести и печали, которые уже с самого малого возраста окружают человека и провожают его до старости и могилы.

Рабочие и крестьяне нашей страны под руководством коммунистической партии решили об'явить войну всей неправде жизни и построить такое общество, в котором жизнь будет разумной, светлой, счастливой и братской.

Самой отсталой частью во всей нашей жизни и работе была деревня; так это остается и до сих пор.

Количество хлеба, которое добывается сейчас в сельском хозяйстве, когда нет больше помещиков и землевладельцев, когда сильно ослаблен кулак, равняется тому количеству, какое имелось до войны. Но население за это время выросло и продолжает расти очень быстро. Выросли потребности страны, и поэтому хлеба нехватает.

Деревня уже не дает на рынок того количества хлеба, которое давалось при царях, а гораздо меньше, так что нам нельзя больше вывозить нашей пшеницы за границу и выменивать на нее нужные нам машины, те именно, которые мы сами еще не научились строить. Мало того, нам начинает нехватать хлеба, и те наши крестьяне в губерниях, которые своим хлебом прожить не могут, поставлены лицом к лицу с жестокой нуждой. В иных городах также чувствуется недохват хлеба.

Что же делать? Нужно начать самую упорную борьбу за хлеб.

Можно ли получить нашей стране больше хлеба, больше зерна, чем мы сейчас имеем? В других странах с земли получают при таком же климате, при таких же условиях почвы в 2—3 и даже в 4 раза больший урожай, чем у нас.

Исполнительный комитет постановил поднять урожайность за ближайшие 5 лет не менее, чем на 30—35%.

Работу по поднятию урожайности на крестьянских полях нужно начать сейчас же, в этом году. Правительство обращается ко всему крестьянскому населению с требованием уже нынешней весной употребить все усилия для расширения нашей запашки на 7% и для поднятия урожайности на 3%. Вся страна должна взяться за это дело.

Никто не может, никто не смеет остаться равнодушным к этой работе. Нельзя, чтобы и дети прошли мимо нее, чтобы они не приняли в ней живого участия. Я знаю, дорогие товарищи, что вы не ответите мне так: „Мы еще маленькие, нам нужно учиться, пусть взрослые думают о том, как увеличить урожай“. Нет, вы этого не скажите! Но есть такие люди, которые пожалуй скажут это. Это—те люди, которые втайне были бы рады, если бы наша борьба за хлеб не удалась. А вот Ленин, который любил и нашу страну, и великую социалистическую цель, и детей, говорил: „Учиться наши дети и наша молодежь должны так, чтобы каждый день разрешать хоть какую-нибудь практическую задачу общего труда, производить какую-нибудь полезную работу, пусть самую крохотную“. И Ленин был прав, — учиться легче всего на работе. В нашей школе учение должно быть поставлено в теснейшей связи с работой, с сельскохозяйственным трудом. Как раз борьба за урожайность дает возможность в одно и то же время и прекрасно учиться, читать, писать, считать и узнавать свойства почвы, воздуха, действия воды и разных удобрений, законы роста растений, свойства животных, правила ухода за ними и многое-многое другое.

Сельскохозяйственный труд, когда он не требует чрезмерного утомления, увлекателен, и дети находят и найдут в нем большой интерес, особенно если этот труд будет освещен радостью достигнутых успехов на поприще своего школьного сельского хозяйства.

Уже сейчас в программах наших школ, товарищи ученики I ступени, имеются такие вопросы, которые дают возможность учителю вместе с вами плодотворно заниматься сельским хозяйством, имеются у школ почти всюду пришкольные участки. В ближайшее время мы введем дополнения к программам школ и постараемся учить вас в школе I ступени побольше тем знаниям и умениям, которые нужны для культурного крестьянина. Ведь мы зовем крестьян об'единить свои маленькие поля, где трудно применять новые способы земледелия, в большие об'единенные хозяйства, где потребуется работа гораздо более сложная и умелая. К этому мы постараемся повести вас со школьной скамьи. Но уже

сейчас ребята из школ I ступени могут проделывать большую разнообразную работу. Я получаю много писем от школьников-пионеров и просто от отдельных школ о том, как они уже сейчас участвуют в работе, и радуюсь вместе с ними, когда они, полные счастья, пишут мне о своих успехах и о том, как перед их грядками и плодовыми деревьями стоят взрослые крестьяне, задумавшись, и говорят: „А ведь правда школьники-то наши дело делают, показывают, как надо хозяйничать. Яйца курицу учат".

Уже сейчас дети под руководством своего учителя, с помощью некоторых указаний агрономов могут проделать ряд полезных в смысле поднятия урожайности работ. Самая легкая работа — это работа на школьном огороде. Тут можно выгонять рассаду, выращивать всякие новые растения из хороших семян и употреблять разные усовершенствованные способы, например провяливать картофель перед посадкой, проделывать опыты с огородными культурами на разные сроки посева, на разные расстояния посадки одного растения от другого, на разную глубину заделки семян, на разные способы ухода за растениями, вроде окучивания, прищипки и т. п. Веселая и полезная работа может вестись также и в саду, который хотелось бы всегда иметь, хоть маленький вокруг каждой школы. Тут можно выращивать ягодные растения (малину, смородину, крыжовник); там, где есть взрослые плодовые деревья, ухаживать за ними, борясь с вредителями, следя за корнями, штамбами и ветками; а там, где нет таких плодовых деревьев, выращивать дички, производить прививку их самыми хорошими плодовыми сортами.

Много интересной работы могут найти дети, руководимые своим учителем, и на поле: определять всхожесть семян, засоренность их, вычислять норму высева семян на гектар; дети могут сами производить протравление семян и распространять это по всей деревне. Деревня наша во многих местах жестоко нуждается в удобрении. Почему бы ребятам не собирать золу, которая является хорошим удобрением? Почему не завести самой школе небольшое поле, где производить на маленьких делянках опыты по разным способам посева (гнездовому и рядовому), попробовать дело с вымачиванием семян, исследовать, как влияют разные удобрения, хотя бы та же зола, бороться со всякими вредителями и т. д.? Я намечаю только небольшое количество таких работ. Когда мы справимся с ними, агрономы дадут нам указания, как проводить другие улучшения, которые более сложны, но от которых урожай становится еще выше.

Работу нужно вести дружно и весело, сообща, коллективно. Каждая школа должна стараться отличиться перед другой. Давайте поэтому организуем перекличку между отдельными школами: что мол вы там сделали у себя? А мы сделали то-то и то-то! Перекликайтесь со школами соседними, перекликайтесь со школами дальними. И в пределах отдельных округов и в пределах всей страны устроим мы соревнование, будем награждать высокой похвалой тех, кто сумеет в этой великой работе выдвинуться на первый план; будем созывать детские производственные конференции школ в каждом районе, чтобы поделиться опытом. Надо собирать и родителей.

Об'явим войну нашей сельскохозяйственной темноте, нашему плохому урожаю. В этой войне будет не мало отдельных походов. С развернутым красным знаменем будут выступать детские отряды маршем против отдельных наших врагов — сусликов, червей, спорыньи и всякого другого вредителя, который пожирает наши зерна, наши плоды.

Мы всегда говорили заграничным людям, что хотим устроить такую школу, в которой учение и труд будут неразрывно связаны. Лучшим доказательством того, что мы сумели это сделать, будет поход наших школьников против низкой урожайности и победа на этом пути. Так пусть же посмотрят и наши друзья и наши враги на то, как двинутся миллионы детей наших школ к одной и той же цели, с одним и тем же кличем: Даешь хлеб! Даешь высокий урожай! Даешь следующую ступень к светлому социалистическому будущему!

Добиваясь урожая, учась на этой работе, мы вместе с тем покажем всему свету наше единение, нашу молодую силу, наше уменье сообща, усилиями мужчин, женщин, старых и малых, преодолевать наши трудности.

Да здравствует детская школьная армия, выступающая на войну с невежеством, с отсталостью сельского хозяйства, за хлеб, за урожай!

Народный комиссар просвещения

А. Луначарский

ПИШИТЕ НАМ ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ НА ШКОЛЬНОМ ОГОРОДЕ

ЖУРНАЛ ОТКРЫВАЕТ ПЕРЕКЛИЧКУ СОСЕДНИХ И ДАЛЬНИХ ШКОЛ

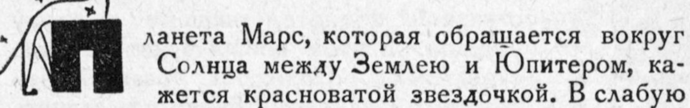

Гулять по небу—новое занятие для читателей „Пионера“. Редакция думает, что читателям понравятся такие прогулки под руководством опытного звездочета профессора Баева.

Пишите в „Звездочет“ о своих наблюдениях, спрашивайте обо всем, что вас интересует на небе.

Редакция

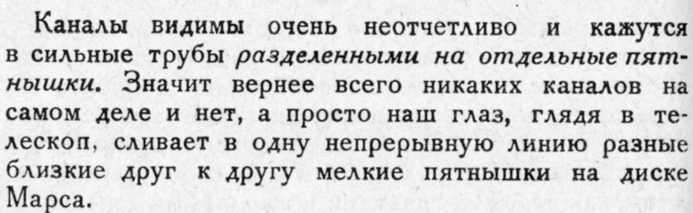
ТАИНСТВЕННЫЕ КАНАЛЫ НА МАРСЕ

СКАЗКА О МАРМАНАХ

Планета Марс, которая обращается вокруг Солнца между Землею и Юпитером, кажется красноватой звездочкой. В слабую трубу на красноватом кружочке этой планеты ничего почти разглядеть нельзя. Но в сильные телескопы на диске Марса можно рассмотреть ряд светлых и темных пятен. Светлые пятна в телескоп кажутся красного или иногда даже багряного цвета, иногда желтого и розового. Они давно уже, еще в сороковых годах прошлого века, названы были *материками, островами, землями*. Наоборот темные пятна получили название морей и озер. В прошлом столетии особенно прославился наблюдениями над Марсом знаменитый итальянский астроном Скиапарелли. Он открыл на диске Марса целую сеть темных линий, соединявших темные „моря“ и „озера“ между собою. Скиапарелли назвал их „каналами“. Но канал—ведь это искусственное сооружеинй, которое строят умелые инженеры (напр. Панамский канал, Суэцкий канал); газеты подхватили словечко и, падкие на сенсацию, кое-что присочинили. Когда Скиапарелли опубликовал отчет о своем открытии, в газетах появились статьи и заметки об открытии оросительных каналов на планете Марс, прорытых „марманами“, т. е. жителями Марса. Многие были убеждены, что Марс населен какой-то человекоподобной расой разумных существ.

Теперь сказка о марсианах-строителях каналов оставлена астрономами. Отдельные каналы видели все без исключения астрономы в большие и малые телескопы. А целой сети каналов, какую нарисовал на своей карте Марса Скиапарелли (а после него—американский астроном Ловелл), никто в сущности из астрономов не видел. Вы сами можете понять, что срисовывать каналы и вообще тонкие детали на планете очень трудно.

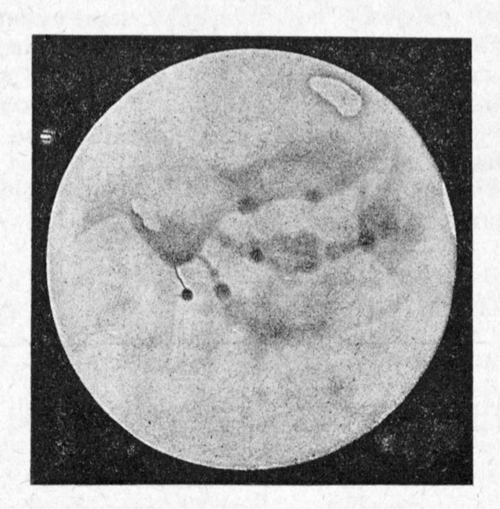
Каналы видимы очень неотчетливо и кажутся в сильные трубы *разделенными на отдельные пятнышки*. Значит вернее всего никаких каналов на самом деле и нет, а просто наш глаз, глядя в телескоп, сливает в одну непрерывную линию разные близкие друг к другу мелкие пятнышки на диске Марса.

ОСЕНЬ НА МАРСЕ

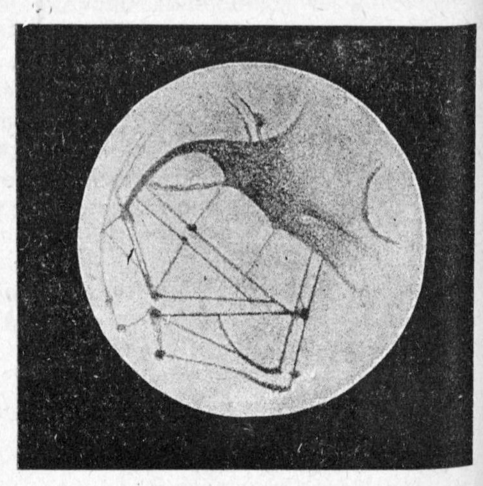
Рассмотрите два рисунка планеты: рисунок Скиапарелли с каналами и рисунок французского астронома Антониади, сделанный в 1909 году. На рисунке Антониади никакой сети каналов не нарисовано. Однако, если на Марсе нет сети каналов, то это вовсе не значит, что Марс – это мертвый, оледенелый мир, лишенный всякой жизни. На Марсе холодно. На нем есть полярные пятна. Они белые и состоят должно быть из льда, снега или инея (см. рис. Антониади). Темные пятна Марса кажутся в телескоп сине-зеленого, изумрудного и желто-зеленого цвета, а когда наступает осень, цвет их начинает напоминать цвет наших земных опавших листьев. В 1924 г. Антониади наблюдал планету в сильный телескоп, сравнивал эти цвета и оттенки с цветом земной о с е н н е й растительности.

КЛЕВЕТА НА ПЛАНЕТУ

Только в 1924—1926 гг. астрономам удалось определить температуру на поверхности Марса и состав его атмосферы. Оказалось, что температура там такая же примерно, как наши не особенно теплые весенние дни, а в атмосфере планеты открыли существование водяного пара и кислорода. Вполне возможно, что растительная жизнь на Марсе похожа на земную растительность в холодных сибирских тундрах. Марс почему-то особенно полюбился писателям. Очень много романистов — Богданов („Красная звезда“, „Инженер Мэнни“), Уэллс („Борьба миров“), Бэрроуз („Принцесса с Марса“ и др.), Курт-Лассвиц („На земле и на Марсе“), А. Толстой („Аэлита“) и др.—описывают удивительные приключения своих героев на планете Марс. Но все это — одни выдумки: о „марманах“ мы р о в н о н и ч е г о н е з н а е м.

Вот что видно в телескоп.

А вот что нарисовал Скиапарелли.

ОРИОН—КРАСА ЗИМНЕГО НЕБА

Одно из красивейших зимних созвездий—это созвездие Ориона. Как найти его на небе? Тому, кто не боится путешествовать по огромному зимнему небу, найти его легко. Безлунною ночью, когда небо ясно, посмотрите на южную часть неба: нетрудно заметить созвездие с тремя блестящими звездами (см. рис.). Три блестящие звезды называются „Поясом Ориона"; над ними блестят красноватая Бетельгейзе (левая) и Беллатрикс (правая), а под „Поясом"—Ригель (правая) и „Капа" (левая). Ниже „Пояса" можно заметить три вертикально расположенные звездочки; они образуют „Меч" Ориона.

По греческим легендам Орион был отважным охотником, обладавшим гигантским ростом. Это созвездие называли „Воином" или „Стражем". Его отлично знали все народы древности задолго до нашей эры. На звездных атласах Орион изображается одетым в латы исполином, который замахнулся своей палицей на „Тельца": созвездие Тельца помещается справа и несколько выше Ориона.

Орион на фоне зимнего неба действительно чрезвычайно красив. Но современные астрономы знают много интересных вещей про это дивное созвездие. Эти ученые люди знают, что поперечник звезды Бетельгейзе (или альфы[1] Ориона) составляет около полумиллиарда километров. Это значит, что об'ем Бетельгейзе примерно в 50 миллионов раз больше об'ема Солнца! Далее, астрономы многое знают про большую туманность около звезды „Теты"—меча Ориона.

Эту туманность можно разглядеть и в хороший бинокль, а сквозь телеском в поле зрения видно светлое, очень красивое туманное облако.

Большая туманность Ориона удалена от земли так далеко, что луч света, проходящий, как известно, около 300 тысяч километров в секунду, должен итти от нее до Земли почти 600 лет! Поперечник ее так велик, что луч света пробегает его лишь в 10 лет. Размеры нашей планетной семьи, т. е. семьи планет, обращающихся около Солнца, совершенно ничтожны по сравнению с размерами туманности Ориона. Кто сможет посмотреть эту туманность в телескоп, не раскается: она действительно может очаровать наблюдателя. Замечательно, что астрономы теперь знают хорошо, из каких газов состоит туманность Ориона: из водорода, гелия, кислорода, азота, углерода. Все эти газы так сильно разрежены, что представить себе это чудовищное разрежение очень трудно.

Звездочеты! Обо всех ваших наблюдениях пишите в редакцию „Пионер" главному звездочету профессору К. Баеву.

[1] Альфа—первая буква греческого алфавита.

СМОТРИ В БИНОКЛЬ

Собираясь в театр, мы стараемся взять с собой бинокль. Современный бинокль и есть „Галилеева труба", только не такая длинная, какая была у Галилея. В бинокль мы видим все как следует, а в настоящую астрономическую трубу мы бы на земле видели все вверх ногами, потому что астрономическая труба перевертывает изображения. Если у вас в доме есть театральный бинокль, то посмотрите в него на небо. Вы увидите тогда то, чего простым глазом разглядеть нельзя. Даже через небольшой бинокль можно попробовать посмотреть звездные скопления в созвездии Тельца. Найти созвездие в небе нетрудно: оно находится несколько выше созвездия Ориона, которое узнать легко.

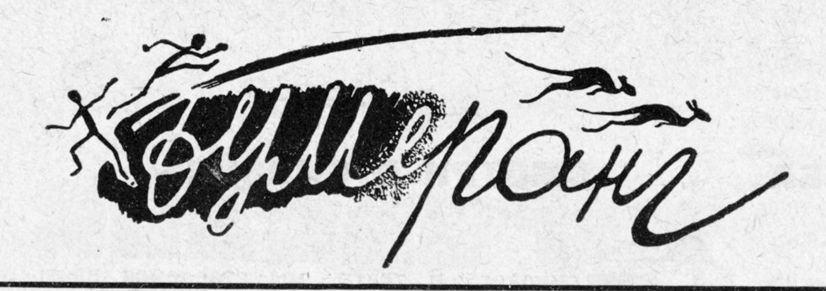
В середине созвездия Тельца видна блестящая звезда первой величины; она называется Альдебараном. Около него находится скопление мелких звездочек, которые еще древними греками были названы Гиадами. В Гиадах сравнительно немного звезд; но дальше к северо-западу нетрудно найти другое, более красивое звездное скопление—Плеяды. Для глаза близорукого Плеяды кажутся просто светлым пятном. В бинокль мы увидим очень красивую картину: на темном фоне блестят несколько десятков скученных звездочек. Нормальный глаз может увидеть всего 6—7 Плеяд. Галилей в свой телескоп насчитывал более 30 звездочек. В 1767 г. американский астроном Митчель в более хороший телескоп насчитал в Плеядах более тысячи звездочек. Плеяды у нас, в средней полосе СССР, всего лучше видны осенью. В деревнях их зовут иногда „Утиным гнездом".

Кроме Гиад и Плеяд в разных созвездиях можно наблюдать и другие интересные звездные скопления, например в созвездиях Возничего и в созвездии Геркулеса. Интересно посмотреть в бинокль и на туманность Ориона. Наконец интересно посмотреть в бинокль на Луну и планеты.

Хорошо обзавестись какой-нибудь звездной картой или атласом; всего дешевле „Звездный атлас" проф. А. А. Михайлова, изд. Московского общества любителей астрономии (ц. 75 коп.). Затем для справок надо иметь в библиотеке школы или клуба—„Русский астрономический календарь" на текущий год, изд. Нижегородского кружка любителей физики и астрономии. Имея все это под рукой, станешь настоящим „звездочетом".

Не надо никогда забывать, что астрономы древности наблюдали без всяких труб и биноклей—простым глазом, однако сделали великие открытия и дали очень много ценных наблюдений. Осматривая регулярно небо в бинокль или даже невооруженным глазом, можно и в наше время сделать какое-нибудь открытие, например открыть новую комету или так называемую новую звезду. Об этом мы еще расскажем читателям.

Главный звездочет проф. К. БАЕВ

Апрель | Стенгазета читателей „Пионера“ | № 7

ЗДРАВСТВУЙТЕ

дорогие читатели, подписчики, деткоры и Кузькины приятели! Здравствуйте, пионер-инженеры, строящие спичечные мосты на разные манеры!

Вам, ребята из 58-й одесской школы—привет за то, что неуспевающих у вас в школе нет, а главное за то, что в этом деле вы сами неуспевающим помочь сумели.

А вы, ребята из Ив.-Шуйского села? У вас с неуспевающими плохи дела. Ой, очень долги у вас сборы! Смотрите... ведь лето уж скоро!!!

Во Льгове многие школьники и пионеры вместо дела занимаются чепухой без меры: мальчикам с девочками заниматься, видите ли, стыдно!! Ох, и до чего ж мне за них обидно!

По части распространения журнала героев у нас немало, но может послужить всем героям в пример Володя Адоринский—деткор и пионер. Молодец Володя, пишет в журнал, журнал читает и про распространение не забывает!

В Шепетовке, читатель, читай-ка, завелась хулиганская шайка. Занимается антисемитизмом рьяно эта самая шайка хулиганов. Эй, шепетовцы, нечего возиться—отправляйте хулиганов и милицию! гоните их из школы в три шеи! гоните из отрядов, не жалея!

До свиданья сестренки и братишки!
Ваш вожатый—товарищ МИШКА

„5 ЛЕТ“

В марте и апреле 1929 г. все школьники и пионеры и особенно подписчики „Пионера“ празднуют пятилетний юбилей самого распространенного и популярного среди них журнала. Прошло 5 лет с того времени, как появился первый номер „Пионера“ с первого же года привлекшего легионы подписчиков. С того времени „Пионер“ стремится воспитать из читателя не мещанина, а нового человека — строителя социализма.

„Пионер“ сразу заинтересовал читателя своим разносторонним материалом, отличающим его от других журналов и газет, и сделался необходимым каждому пионеру и школьнику.

Обязанность каждого пионера распространять свой журнал.

Деткор О. Добкин

г. Липовец

БЕРИТЕ ПРИМЕР

Дорогая редакция журнала „Пионер“!

Я собрал на любимый мой журнал „Пионер“ десять подписчиков—мордовских ребят. Но я хочу еще провести конференцию читателей журнала „Пионер“. Посоветуйте мне, стоит ли провести такую конференцию? Какие вопросы обсудить? Пришлите материал для доклада о „Пионере“.

Ответьте как можно поскорей. Еще пришлите плакаты.

С пионерским приветом
деткор Володя Адоринский

П/О Рыбкино, Рыбкинского района, Мордовского округа, село Мамонаево.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Володя, конференцию проводи обязательно. Материал помещен в № 5 „Пионера“.

ДОЛОЙ ВТОРОГОДНИЧЕСТВО!

ПОМОЖЕМ ОТСТАЮЩИМ РЕБЯТАМ

ПОМОГАЕМ ДРУГ ДРУГУ

В школах есть неуспевающие ребята. Я предлагаю сделать то, что уже делалось в 58-й школе г. Одессы.

Из наиболее успевающих учеников организуется группа помощи (из семи-девяти человек). Группы организуются отдельно в каждом классе. В свободное от занятий время дежурные группы (два-три человека) проводят с неуспевающими занятия, помогают им готовить уроки, раз'ясняют непонятное.

Работа групп помощи у нас в школе оказалась очень полезной и помогла неуспевающим. Советую завести во всех школах такие группы!

Ф. Розенберг

Одесса

СИДЯТ ДВА ГОДА

Отстающих у нас в школе много. Им не помогает. Плохо им приходится, сидят в одной группе года...

Некоторые говорят об отстающих, что они остаются в одной группе по два года по своей вине. Нет, это неправда.

Давайте поможем. Они давно ждут от нас, способных учеников, помощи.

Аркадий Маркичев

с. Ив.-Шуйское

НА ПОМОЩЬ ОТСТАЮЩИМ

У нас в школе второй ступени Школьный совет недавно постановил организовать группы отстающих по всем классам.

Это постановление было об'явлено по классам, и на следующий же день учителя прикрепили более успевающих ребят к более слабым. Заниматься должны были как дома, так и в школе. Но все старания не привели ни к чему, так как многим мальчикам пришлось заниматься с девочками. А у нас девочки и мальчики стыдятся заниматься на дому друг с другом, считая это позором. А многие пионеры боятся заниматься с пионерками, так как думают, что над ними будут смеяться.

Это неправильно: нужно относиться к девочкам по-товарищески.

г. Льгов | Г. Гузев

КТО СЛЕДУЮЩИЙ

Перекличка отрядов школ

РЕБЯТА ДАЛЕКОГО СЕВЕРА!

Узнав в „Пионере“, что можно переписываться с вами, мы решили познакомиться с работой вашей школы. Нам очень интересно узнать о вашей жизни там, на самом далеком Севере, где земля большей частью находится под снегом.

Мы, ученики Самойловской школы второй ступени, работаем в пионерорганизации. В кино мы видим ваш край, но нам интересно услышать от вас самих, как вы живете.

Дорогие товарищи-школьники, мы думаем, что вы нас не забудете и как прочтете наше письмо, так ответите на него в журнале.

С товарищеским приветом
Максин и Карабутов

Наш адрес: Самойловка, Балашевского округа, Нижн.-Волжского края, школа II ступени.

ХОЧУ РАБОТАТЬ НА СЕВЕРЕ

В журнале „Пионер“ № 3 за февраль м-ц был помещен рисунок: самая северная школа в селении Хэ у устья реки... Редакцией об'явлено, что желающие переписываться могут присылать свои адреса в редакцию.

Мне хочется работать в этом глухом северном крае, а поэтому для меня очень важно списаться с работниками этого края.

Мой адрес: Пресногорьковское П/О Петропавловского окр., учительнице Пресногорьковской школы-семилетки КАНАХИНОЙ Елизавете Антоновне.

„Пионер“ благодарит своих читателей за приветствий, полученных к юбилею.
Ребята! Улучшайте и распространяйте свой журнал.

БИБЛИОТЕКА БУМЕРАНГА

ЗВЕНЬЕВОЙ УГОЛОК

Что такое звеньевой уголок? Это место, где звено работает и хранит свои вещи и работы звена (звеньевой флажок, библиотечку, аптечку и пр.). Кроме того уголок является выставкой работ звена (своего рода музеем звена) и его достижений.

Как же оборудовать уголок звена, чтобы в нем было приятно собираться для работы, игр или беседы? Как лучше развесить портреты, лозунги, фотографии отряда и лагеря? Как сделать самим шкафчики и полки для звеньевой аптечки и библиотечки, рамки для фотографий, вешалки для одежды и полотенца, табуретки и стулья из простых ящиков?

Об этом рассказывает книжка „Звеньевой уголок и как его оборудовать“ Н. Солнцева (Библиотечка журнала „Пионер“), изд. „Мол. гвардия“, 48 стр. с 25 рис., цена 30 коп. Все „чудесные“ превращения пустых и необорудованных комнат, подвалов и чердаков, полученных пионерами, в уютные звеньевые и отрядные уголки, о которых рассказано в книжке, — результат настойчивой изобретательности ребят, при ничтожных денежных затратах, добившихся очень многого.

„УЗУРПАТОРЫ“

Редколлегия стенгазеты „Школьная правда“ при ШКМ в с. Александровом-Гае хулиганит; члены редколлегии курят, ругаются. Заметки ребят о их хулиганстве они не пропускают в стенгазету и говорят так: „только напишите в стенгазету—не допустим и... автору влетит“.

с. Александров-Гай | ТАНЯ

ШЕПЕТОВСКОЕ ПОБОИЩЕ

В Шепетовке в клубе окончился пионерский вечер. Ребята стали расходиться по домам, как вдруг налетела шайка хулиганов и стала избивать еврейских ребят-малышей. Пока подоспели старшие, хулиганы успели ударить одного пионера ножом в бок, другому распороли щеку и многих побили.

Стыдно вам, шепетовские ребята, что среди вас есть такие хулиганы.

Деткор МИША

Шепетовка

ЛОДЫРИ

В г. Касимове в 6-й сов. школе I ст. учатся ребята из детдома. Ходят они в школу редко, в школе ругаются, дерутся, уроков не учат и на уроках шумят. Учительницу они не слушаются.

Ой, ребята из детдома! Подтянуться вам надо.

СЕРГЕЙ ПЕРШИН
г. Касимов

ПРЫГУНЫ

12 февраля 1929 года ученики Самойловской школы II ступени Зайченко, Н. Прошляков, И. Ляхов и Г. Покладов пришли в школу и стали прыгать по скамейкам. В результате получилось вот что: Прошляков прыгнул и сломал скамейку. Эта четверка вообще отличается: не участвует в школьной общественной жизни, а только хулиганит.

Ну и дождались они, что учком передал их на школьный совет.

МАКСИМ ГУРИН

сл. Самойловка

ДЕЯТЕЛЬНЫЕ ПИОНЕРЫ

В г. Речице, в Центральном пионерском клубе стояло пианино. Вреда оно никому не приносило. Вдруг появились деятельные ребята, сорвали замок и принялись уродовать пианино.

Молодцы ребята! Есть за что похвалить: разбили вдребезги крышку и порвали несколько струн. А еще говорят, что они не обращают внимания на пионерское имущество!

Э. РУДОЙ

г. Речица

ДРУЗЬЯ и ВРАГИ КНИГИ

Очерк М. ИЛЬИНА
Рис. М. АСКИНАЗИ

ЧЕТЫРЕ ВЕЛИКИХ ЧИТАТЕЛЯ

Все смеялись над широкоплечим помощником кочегара, когда он вздумал взяться за букварь.

— Эй, Джордж!—говорили ему товарищи.— Брось эту ерунду! Пойдем-ка лучше с нами в „Отдых рудокопа".

Но Джордж был упрямый парень. С детства ему хотелось научиться читать. О книгах он мечтал так, как иные мечтают о кораблях, о далеких странах, о таинственных островах в океане. Когда он был мальчиком, его не отдали в школу. В то время как другие д ти его деревни учились, Джордж пас овец, работал на ферме, гонял лошадей на приводе у рудничного под'емника, и вот наконец он вырос. У него есть свои деньги—целый шиллинг в неделю. Есть на что купить книжки и тетрадки. Найдется, чем заплатить учителю.

Каждый вечер рослый парень сидит в комнате школьного учителя за столом и по складам читает книжку, написанную для маленьких детей. Этот упрямый помощник кочегара—Джордж Стефенсон—будущий изобретатель, человек, которому суждено построить первую в мире железную дорогу. Для того чтобы покупать книги, Джордж Стефенсон по ночам шьет сапоги и чинит часы. Откуда только у него на все находится время!

А вот другой любитель чтения—сын кузнеца Фарадей. Для того чтобы иметь возможность читать, он поступает в книжную и переплетную лавку мистера Рибо—Бландфорд-стрит, № 2. В этом доме и сейчас еще книжная лавочка. Целых семь лет будущий химик сшивает листы, варит клейстер, мажет форзацы, режет картон огромными ножницами. Работа скучная. Зато сколько интересных книг удалось Фарадею прочесть за эти семь лет! Но лучше всех—книжка Марсет „Беседы о химии". До конца своей жизни будет помнить Фарадей эту книжку, которая научила его любить химию.

Великие писатели были в то же время и великими читателями. Лучшими друзьями Пушкина были книги. Когда ему было всего только девять лет, Пушкин тайком забирался в кабинет отца и без разбора поглощал все, что попадалось под руку: и романы, и стихи, и серьезные научные сочинения. Когда он вырос, его любимым занятием было бродить по книжным лавкам. Он готов был истратить последние деньги, если находил что-нибудь интересное. В Пушкинском доме хранится переплетенный в красный сафьян экземпляр запрещенного сочинения Радищева „Путешествие из Петербурга в Москву". На первой странице рукой Пушкина написано:

Экемпляр, бывший в тайной канцелярии;
Заплачено двести рублей.

Двести рублей—это ведь не маленькие деньги!

В письмах к жене и друзьям Пушкин часто говорит о своих книгах.

„*Книги, взятые мною в дорогу*,—пишет он,—*перебились и перетерлись в сундуке. От этого я так сердит сегодня, что не советую Машке (дочери) капризничать и воевать с няней: прибью*".

В другом письме он спрашивает жену:

„*Что-то дети мои и книги мои? Каково-то перевезла и перетащила тех и других?*"

Когда Пушкина, смертельно раненого, привезли после дуэли домой и положили на диван, он обвел глазами книги на полках и сказал: „Прощайте, друзья!" А потом ему все казалось, что он подымается по книгам куда-то вверх.

Ленин тоже с детства любил книги. Его сестра, Марья Ильинична, рассказывает:

„Я помню, когда мы жили в деревне, в Самарской губернии, Владимир Ильич каждое утро после чая отправлялся, нагруженный книгами, словарями и тетрадями, в укромный уголок сада, чтобы там заниматься. Там стояли стол и скамейка, и там проводил Владимир Ильич большую часть дня за научными занятиями. И в ссылке и за границей он пользовался всяким свободным часом, чтобы отправиться в библиотеку. У нас сохранилось много тетрадок и выписок, и по ним можно судить, какое громадное количество книг успел за свою жизнь прочесть Ильич".

ЖИЗНЬ ЗА КНИГУ

Многие люди за книгу готовы были подвергнуться всяким мучениям. Горький рассказывает, сколько побоев ему пришлось вытерпеть за любовь к книгам. Мальчиком его отдали „в люди". Ему приходилось нянчить детей, мыть полы, бегать в лавочку, ставить самовар, стирать пеленки. А по ночам, когда все спали, он забирался на чердак или в сарай и читал при свете луны. Здорово попадало мальчику, если его заставали с горящей свечой. Однажды его так избили пучком лучины, что спина у него вздулась подушкой. Пришлось отвезти его в больницу, и там доктор вынул у него из спины сорок две огромных занозы.

Фарадей.

Революционеры, сидевшие в царских тюрьмах, никакой пытки так не боялись, как запрещения читать книги. Когда в Шлиссельбурге отняли у заключенных несколько десятков книг, они об'явили голодовку. Десять дней заключенные ничего не ели. Одному из них, человеку слабого здоровья, голодовка стоила жизни. Другой вскрыл себе гвоздем артерию и погиб бы, если бы часовой не заглянул во-время в камеру.

Для того чтобы раздобыть нужную книгу, шлиссельбургские узники пускались на всякие хитрости. И нередко им удавалось дурачить своих тюремщиков.

Невежественные жандармы отнимали у заключенных самые безобидные книги, если в названии было слово „социалистический" или даже просто „социальный" (общественный). Заключенные стали тогда писать в своих списках и каталогах вместо „социальный"—„салициловый". Например: „Салициловая история Рима". Тюремщики не разобрали, в чем дело, и оставили „Салициловую историю" в покое. А ведь это такая кислота—салициловая, а истории салициловой не может быть.

КАК И ЧТО НАДО ЧИТАТЬ

Все великие люди любили читать, но не всякого человека, который любит читать, можно назвать великим.

Лакей Чичикова, Петрушка, по словам Гоголя, тоже очень любил книги:

> „Ему было совершенно все равно, похождения ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник,—он все читал с равным вниманием. Если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался. Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз, чорт знает что и значит".

Таких любителей чтения много. Редко кто умеет читать книгу так, как нужно: не просто пробегать глазами строчки, а усваивать прочитанное, работать над книгой.

Есть такие читатели, которые книгу только перелистывают: читают ее не глазами, а пальцами. Прочтут страницу в начале, потом заглянут в конец, а середину читать не стоит,—ведь все равно известно уже, чем кончится. Другие читают с пропусками: только разговоры. Третьи жадно прочитывают одну книгу за другой, но о прочитанном не думают,—будто семячки грызут.

Научиться читать не так-то просто. Грамотных людей много, а умеющих читать очень мало. Великий писатель Гёте говорил: „Я употребил 80 лет на то, чтобы научиться читать, и до сих пор не могу сказать, чтобы достиг цели".

Читать надо медленно, внимательно, с пером в руках. Хорошие книги надо перечитывать по нескольку раз. А плохие книги вообще читать незачем. Книг много, всех все равно не перечесть. Всего в мире около 20 миллионов книг (названий), и каждые четыре минуты появляется новая книга. Ясно, что великие писатели не рождаются каждые четыре минуты. На сотню, на тысячу книг приходится только одна хорошая. Но как заранее узнать хорошая книга или плохая? Надо об этом спросить того, кто книгу уже читал,—старшего товарища или учителя. Чтобы отыскать нужную книгу, лучше всего заглянуть в указатель или справочник. Справочники имеются для всех отраслей знания.

Человек, который только начинает читать, должен прежде всего прочесть классиков. Классики—это писатели, книги которых выдержали самое трудное испытание: за много лет не потеряли своей свежести, не устарели. Такие старые, но не устаревшие книги проверены не одним человеком, а многими поколениями людей. Какого-нибудь „Тарзана" уже почти никто не читает, хотя пять лет тому назад им зачитывались, а „Дон-Кихота" или „Робинзона" будут читать всегда. Лучше десять раз перечесть хорошую старую книгу, чем прочесть десять пустых книжонок новейшего издания. К сожалению, не все так думают. Больше всего в ходу новинки, всякие книжонки „для легкого чтения". Самые невероятные приключения, погони, убийства, ограбление—вот что больше всего привлекает читателей. Писатели стараются перещеголять друг друга числом убитых и искалеченных. Но рекорд побила книга для юношества, которая вышла не так давно в Германии: **„Лесная роза, или преследование по всему свету"**, роман Карла Мая. В этой книге 1600 человек по-

гибают от пуль и пушечных ядер, 260 человек скальпируют, 219 погибают от яда, 130 закалывают, 61 избивают кулаками, 16 тонут, 8 предают голодной смерти, четырех казнят, троих отдают на с'едение крокодилам, троих вешают, двоим вспарывают животы, одного ослепляют, одного живым зарывают в землю, одного бросают на с'едение крысам.

СУДЬБА КНИГ

В мире книг так же, как в мире живых существ, идет борьба за существование. Только самые сильные книги выживают; слабые, бездарные гибнут, несмотря даже на первоначальный шумный успех. Книги доносчика и предателя Булгарина расходились лучше, чем книги Пушкина. А кто теперь читает романы Булгарина? Судьба плохой книги—рано или поздно закончить существование на прилавке мелочной лавочки.

К сожалению, очень часто уничтожаются по ошибке или по людскому невежеству и хорошие книги. Долг каждого из нас—спасать хорошие книги от уничтожения.

Как-то раз зашел я в лавочку купить колбасы. Продавец схватил какую-то толстую книгу и хотел ее разорвать на обертку.

— Постойте!—закричал я.—Дайте мне посмотреть, что это за книга.

Оказалось, что продавец чуть было не уничтожил очень ценную книгу по инженерному делу, с множеством таблиц и чертежей.

— Продайте мне ее,—сказал я.

Продавец бросил книгу на весы и сказал:

— Килограмм—25 копеек.

Я заплатил 25 копеек и с радостью понес домой спасенную от смерти книгу.

И теперь эта книга живет у меня в комнате, как верный мой друг и советник.

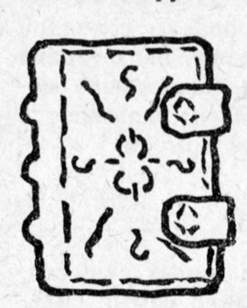
Уничтожить хорошую книгу! Ведь это преступление. Ведь вся наша жизнь держится на книгах, на опыте предыдущих поколений. Представьте себе, что внезапная катастрофа уничтожила бы наши библиотеки и книгохранилища. Все пришлось бы начинать сначала. С трудом, по памяти, принялись бы ученые восстанавливать погибшие сокровища. Сколько опытов, измерений, наблюдений пришлось бы произвести снова. Всякая научная работа прекратилась бы на много лет.

Книги—это память человечества, это записная книжка, в которую многие миллионы работников занесли свой опыт, свои наблюдения. Книги надо беречь, хранить, как самое драгоценное из всего, что у нас есть.

ВРАГИ И ДРУЗЬЯ КНИГ

До нас дошло очень немного древних книг. Одни сгорели, другие истлели в земле, третьи были истреблены крысами. Но больше всего книг погубили люди.

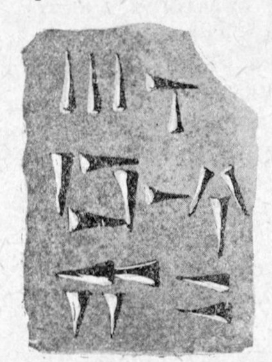
В александрийских библиотеках хранилось больше 700 тысяч рукописей. Часть этого богатства сгорела во время осады Александрии войсками Юлия Цезаря. Но то, что пощадил огонь, уничтожили люди. В четвертом веке толпа христиан напала на языческий храм бога Сераписа и уничтожила хранившиеся там книги. До нас дошли только отрывки из библиотечного каталога. От книг, словно в насмешку, остались одни названия.

В средние века много языческих книг было уничтожено монахами. Некоторым из древних рукописей удалось спастись самым удивительным образом. Дело в том, что в средние века пергамент, на котором тогда писали, был очень дорог. Случалось, что найдя древнюю рукопись, соскабливали ножом старый текст, и на месте греческой поэмы или сочинения римского историка писали жития святых. Были настоящие специалисты по соскабливанию—истреблению книг.

Множество книг погибло бы от рук этих палачей, если бы в наше время не нашли способ оживлять погубленные книги или, как их называют, палимпсесты. Чернила так глубоко проникали в пергамент, что самое жестокое скобление не могло изгладить следов текста. Достаточно бывает иногда смочить рукопись тем или другим химическим составом, чтобы выступили на поверхность голубоватые или красноватые очертания старого текста. Но не торопитесь радоваться: очень часто рукопись после этого начинает быстро темнеть и в конце концов текст становится совершенно неразборчивым. Рукопись погибает на этот раз навсегда. Это бывает тогда, когда для оживления палимпсеста пользуются дубильной кислотой, добываемой из чернильных орешков. В каждой большой библиотеке есть несколько таких дважды умерших рукописей.

Вместо дубильной кислоты стали теперь пользоваться другими составами, которые заставляют текст появляться на короткое время. В этот момент надо его быстро сфотографировать и потом поскорей смыть состав. По последним известиям, научились снимать с палимпсестов фотографии без всякой химической обработки.

Много книг было сожжено на кострах инквизиторами. Книги казнили торжественно, на площадях, в присутствии тысяч зрителей.

Но если у книг были враги, то немало было у них и друзей, которые разыскивали их и в египетских гробницах, и под пеплом Геркуланума и Помпеи, и в архивах монастырей. А сколько труда было потрачено на приведение найденных книг в порядок! Глиняная библиотека ассирийского царя Ассурбанипала, когда ее откопали, похожа была не на библиотеку, а на груду мусора. Сколько нужно было терпения, чтобы сложить из обломков тридцать тысяч глиняных плиток! На многих плитках письмена были такие мелкие, что их приходилось рассматривать в лупу. Больше всего потрудился над собиранием этих глиняных книг молодой ученый Джордж Смит, который погиб потом от чумы на посту во время раскопок в Азии.

Кем же ты будешь, читатель, — защитником или врагом книги?

В школе, в библиотеке, в лавке, дома будешь ли ты защищать книгу от ее врагов?

Дашь ли ты в обиду друзей Стефенсона, Фарадея, Пушкина, Ленина?

Допустишь ли ты, чтобы негодяи портили то, ради чего люди готовы были пожертвовать жизнью?

(Продолжение)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Шапкиных Демида и Верочку покидает мать, их берут в коллектор для беспризорных и сирот. Там Дема дружится с Гудковым и Лизой. В коллекторе смута. Девочки и мальчики враждуют друг с другом, дисциплина падает. Руководительница пишет в ОНО о положении в коллекторе.

На обследование приехал молодой человек с толстым портфелем, он говорил коротко и резко, ходил стремительно, не улыбался, лицо держал натянутым, точно за пазухой носил камень и постоянно выбирал, в кого бы бросить им.

Все педагоги почувствовали, что молодой человек умеет быть беспощадным, когда это необходимо, и повели себя с ним как кающиеся грешники. Он в несколько дней выяснил болезни коллектора и набросал короткий планчик, где значилось, что заведующего необходимо убрать, как человека безвольного и неспособного руководить большим и трудным учреждением; „Ваше высочество“ отправить на покой; старших воспитанников и воспитанниц перевести в нормальные учреждения с трудовым уклоном; в коллекторе открыть несколько новых мастерских, усилить самоуправление.

Против имени Людмилы Михайловны у него стоял большой вопрос. Он считал ее нужным человеком в коллекторе, но она сама просила перевести ее на более легкую работу, где бы могли отдохнуть ее истрепанные нервы.

Он собрал старших воспитанников и об'явил, что их переведут в другие учреждения, где дадут им настоящую выучку, нужную для труда и для жизни, и прочитал список учреждений.

— Пусть подумает каждый, кем он хочет быть и выберет себе место. Мы там обсудим.

Уезжая, молодой человек вызвал заведующего и упрекнул:

— Кого вы готовили из них? Дармоедов! Пятнадцати-шестнадцатилетних ребят занимать одними словами, не давать им настоящей ручной работы— это преступление! Вы обвиняете их, я обвиняю вас. Они правы, что гоняют голубей, пускают змеев: у них руки чешутся. Дайте им в руки топоры, молотки, пилы, иголки, нитки. Они мстят вам, что вы их держали на словесной водичке, им нужно дело.

Заведующий виновато покашлял и не стал оправдываться.

Верочка сидела притихшая и правой рукой перебирала пальцы левой руки.

— Мне здесь надоело,—говорила Лиза,—и делать здесь нечего, а там я буду мастерицей. И говорить я не буду, чтобы меня здесь оставили.

Лиза должна была уехать из коллектора, и она выбрала для себя профессионально-техническую игрушечную школу в родном городке. Сначала она хотела остаться с Верочкой в коллекторе, но потом передумала. Ей давно хотелось устроиться так, чтобы для рук было много-много дела.

— Я и Дему зову. Он тоже будет мастером.

— А я с кем останусь? Вам хорошо будет,— Верочка надулась недовольная, ей показалось, что Лиза, уговаривая Дему поехать с ней, заботится только о себе.—Я Демку не пущу.

— Его все равно переведут.

— А вот не переведут, заплачу и оставят.

Лиза улыбнулась, села рядом с Верочкой и начала потихоньку ронять слова:

— Мы с ним устроимся, а потом будем хлопотать, чтобы и тебя к нам. Будем жить все вместе.

— И в одной комнате?

Верочка улетела мыслью вслед за Амундсеном.

— Может и в одной комнате.

— А если меня не примут?

— Добьемся двое-то. Ушлют Дему одного куда-нибудь, к кому ты поедешь?

Верочка никогда не думала, кто ей дороже, брат или Лиза. Она сморщила лоб, подумала и сказала:

— Я не знаю.

— К нему уедешь, меня одну оставишь?—Лиза привыкла к Верочке и боялась расстаться с ней.

— Тогда поезжайте,—Верочка сорвалась с места.—Побежим, скажем Демке—пусть с тобой едет, а потом будем жить в одной комнате.

Она увлеклась будущим, которое открывалось перед ней.

Когда Лиза решила уехать, Верочка начала вспоминать свою мать и жалеть: „почему она не с нами, она бы хорошо придумала“, но Лиза своей выдумкой—жить вместе—отогнала от Верочки эти воспоминания.

Деме тоже понравился выбор Лизы—профессионально-игрушечная школа—мир резных коньков, розовых пупсов, досок, стружек, клея, ароматных красок, мир детской радости, и он написал заявление:

„Хочу быть мастером по игрушечному делу, прошусь в игрушечную школу“.

Бунтарь, прежде чем решить, куда поехать, спросил:

— А где можно водить голубей?

— Пожалуй только у нас,—ответила Людмила Михайловна.—У нас теперь все можно,—и загрустила глазами.

— Меня бы туда, где водят,—в голубиную школу.

— Просись, может быть примут.

Гудков не думал, как быть ему. Он как-то изменился, сделался подвижен, почти беспокоен. В глазах у него появилась настороженность и пытливость. Он беспрестанно сновал по коллектору, выспрашивал и что-то записывал в клеенчатую тетрадь. Смута поглотила его до конца, он как истый летописец заносил на бумагу и крупное и мелкое, важное и неважное. Для него все было важным.

— К чему это,—однажды спросил его Дема,—пишешь все? Я бы не знал что придумать. Мне ничего не придумать.

— Надо,—отмахнулся Гудков.—Ты ничего не понимаешь.—В последний момент он попросил оставить его в коллекторе.

— Нельзя, ты назначен к от'езду,—сказал заведующий.

— Тогда мне все равно, тогда я пожалуй согласен и с Демкой и с Лизкой.

Так и записали.

О Бунтаре велась переписка с голубиным питомником и его оставили в коллекторе.

В последний вечер разрешалось все, и Дема сидел у Верочки. „Ваше высочество“ видела его, но не гнала, а проходила как бы не замечая. Она знала, что ее увольняют, и перестала интересоваться жизнью коллектора.

Лиза укладывала свои фотографии, рисунки и картинки про Амундсена, она хотела доделать альбом. Уголок природы она оставляла Верочке.

Дема и Верочка разговаривали вполголоса.

— Ты, Верка, не скучай, мы тебе писать будем.

— А если скучно сделается?

— А ты не скучай,—советовал Дема,—найди себе другую мамочку.

— Нет, кроме Лизки никого. Если забудешь меня, я тебя...

Дема ждал.

— Я скажу... маме, когда она придет.

Дема поморщился. Он старался не говорить о матери с Верочкой, хотел, чтобы сестренка не задумывалась о ней и сказал:

— Первую же игрушку пошлю тебе. Лиза, мы Верке пошлем игрушек.

— Целую корзину.

— Я не маленькая, не смейтесь,—обиделась Верочка.

— И не большая,—Лиза подбежала к Верочке и начала щекотать,—я тебе сделаю большую куклу и пошлю вместо себя.

— Какая хитрая.

— Сама приеду, сама. Дурочка ты, думаешь, мы с Демкой тебя забудем, да я ему жить не дам, если он только чего...

Уложив вещи, Лиза села между Демой и Верочкой и сказала.

— Готова, теперь все на-фик,—и засмеялась. Она никогда не говорила „на-фик“, тут сказала, чтобы развеселить Верочку.

Сидели втроем, схватившись за руки, поглядывали друг на друга и молчали. Всем было хорошо, не хотелось расходиться, как не хочется малышам уходить от старших, которые гладят их по голове и рассказывают что-нибудь занятное, неслыханное.

— Будь я бабушкой, рассказала бы вам сказку, а я не бабушка, и пускай рассказывает Демка,—прервала молчание Лиза.

Дема начал досказывать про Амундсена.

Девочки глядели за окно, где стояла холодная тихая ночь с полным месяцем. Им казалось, что за окном море, а деревья под месяцем—как ледяные горы.

Верочка забыла, что она сидит в келье под низким потолком, она улетела мыслью вслед за Амундсеном на полюс, где тихо, пусто, где вечный холод, где ничего не меняется.

Дема сказал, что земля наша вертится, а полюс стоит, никуда не шелохнется, и Верочке представилось, как на полюсе все стоит, все одинаково и страшно. Она прижалась к Лизе и шепнула:

— Я бы ни за что не полетела на полюс.

Лиза вопросительно посмотрела на нее.

— Живым в могилу легче—знаешь хоть, что на могиле растет трава и ходят люди. На полюсе и людей нету и травы нету. А ветер там есть?

— Спроси у Демы.

— Демка, ветер на полюсе дует?

— Ветры там здоровые.

Верочка облегченно вздохнула, полюс оттого, что там дуют и шумят ветры, сделался живым и не таким страшным.

На утро Дема, Лиза и Гудков уехали. Верочка провожала их далеко в поле, а вернувшись, до вечера проглядела на пустой оголенный сад, где на дорожках ветер играл сухими опавшими листьями.

МАРУСЯ КОНДАКОВА

По приезде в родной город Лиза погрузилась в состояние продолжительной и неизбывной радости, рассказать о которой она не умела, выражала ее только восклицаниями:

— Ах, Демка, Демка!

Первая искра радости появилась у нее, как только она, Дема и Гудков сошли с поезда на деревянную платформу при деревянном же вокзальчике.

— Я не была здесь три года,—сказала Лиза.— Как я соскучилась!

— Я пять годов не бывал дома, и меня не тянет,—проворчал Гудков и презрительно посмотрел на девочку.

— Ты верно ничего и не помнишь, приедешь, не узнаешь?

— Стану помнить, не к чему!—Гудков сплюнул.

— А я все помню, каждую уличку, бугорок. Помню, как папа сделал мне лыжи из бочки, и я каталась. Один раз мальчишки отняли у меня лыжи, а я села в сугроб и давай плакать. Лыж жалко и папе, дурочка, сказать боюсь, чуть не замерзла в сугробе...

Шли по Вокзальной улице к центру, где стояла старая лавра за высокой стеной с башнями по углам. Лиза рассказывала, что, будучи совсем маленькой, она взбиралась на лаврские стены и собирала там цветы, которые вырастали на камнях.

Дема раздумывал о радости, которую приносят родной дом и родное место.

В своей жизни он не имел родного места, семья его постоянно переезжала из города в город. В памяти Демы ничего не осталось от этих городов, все они перемешались во что-то серое, где и запоминать нечего, даже имена их он забыл. Только поездка в деревню к бабушке да жизнь в детском доме помнились.

Школа была в двухэтажном доме.

— Лизка, а к чужому месту привыкнуть, как к своему, можно?—спросил Дема.

— Не знаю, я здесь родилась.

Остановились все на мосту через речонку, откуда была видна вся лавра с колокольнями и соборами, с башнями, у ее стен широкая площадь, на площади памятник.

Лиза глядела, как солнечный свет растекался по куполам, по бокам башен, по крышам и бревнам домиков, и отдавалась радости быть там, где родилась, радости снова видеть вещи, знакомые сызмальства.

Гудков хмурился, он был недоволен и высказал свое недовольство:

— Однако городок! Здесь от одного колокольного звону оглохнешь.

— В лавре не звонят.

— И почему это всякие детские дома да школы в старых монастырях? Меня сколь ни гоняли по разным домам, чуть не все они в монастырях.

— Наша школа не в монастыре. Пойдем налево, и на горке она.

— Легче стало, не то мне надоели кельи да сводчатые потолки.

Школа была на главной улице в двухэтажном каменном доме, окруженном молодым садом акаций, дубков и тополей. За садом с одной стороны лежало футбольное поле, с другой—площадка с драмтеатром посредине, с третьей—сад школы-семилетки. Лавра была невидна: ее заслонял театр. Это обстоятельство понравилось Гудкову.

— Школа—как школа, а не поповский дом при монастыре, не пахнет ладаном.

Они вошли в здание. Навстречу им ударили волны запахов и шума. Сморщенная старушка в синем халате приподнялась со скамеечки и спросила:

— Вам кого?

— Мы приехали учиться,—за всех ответил Гудков.

Старушка показала на дверь конторы.

В конторе заведующий, худой и с виду немножко суровый, снял очки, осмотрел прибывших и сказал:

— Снимите шапки.

Гудков и Дема сняли фуражки.

— Сразу видно, что из детдома, не имеют привычки снимать шапки. Деревенский, напротив, готов перекреститься. Ну, ничего, не трусьте, научимся. Из какого?—начал опрос заведующий; он не сомневался, что ребята детдомские.

Прием сошел гладко, без испытаний, только по обществоведению всем сделали беглую поверку.

— У нас четыре отделения: лепное, раскрасочное, столярное и токарное, кто куда пойдет? Не подумали еще?

— Поглядеть можно?—спросил Гудков.

— Можно, идите, а там мне скажете,—заведующий надел очки и погрузился в бумаги.

Сначала ребята попали в токарное отделение. Длинная комната была заставлена рядами станков, которые приводились в движение электрическим мотором.

От станков взлетали вверх мелкие красноватые стружки, как взрывы, падали на головы, плечи и блузы токарей. Пол был под слоем стружек. Вся мастерская пела,—пел мотор, станки, пело дерево, когда к нему прикасалась острая стамеска. Токаря тихонько подпевали станкам и мотору, тихонько подсвистывали.

Лиза решила, что токарная не для нее, там работали только мальчики. „Девочки видно не годятся“.

Гудков и Дема заслушались шумом работы и думали: „Здесь будет хорошо“.

Через несколько минут мотор умолк, токаря отряхнулись и обступили новичков. Они не расхваливали свой труд и не хаяли.

— У нас да у столяров—чистая работа,—говорили они.—В лепном самая грязь. Нравится, записывайтесь к нам, и она может,— кивнули на Лизу.—Раньше девчонок не было, нынче одна записалась. Мы ее и зовем „Первый токарь“. Грызет помаленьку.

Ребята прошли в раскрасочный цех.

Лиза сказала, что подумает—быть ли ей вторым токарем, Дема же решил остаться в токарной.

Перерыв кончился. Мотор тоненько запел, потом разошелся и зашумел, как вихрь.

Снова закрутились деревянные болванки, и полетели стружки. Дема стал поближе к станку, чтобы разглядеть секрет работы. Он простоял минут десять, за это время опытный токарь выточил из ольховой болванки два стаканчика.

Дема не понял секрета, он только изумлялся, как быстро грубое дерево обращалось в красивые стаканчики.

В столярном отделении был грохот молотков, шелест рубанков, запах сосны и клея. Но столярная не возымела такого обаяния, как токарная, и ребята прошли в раскрасочный цех.

Здесь было тихо, как в музее. Человек двадцать раскрасочников молча делали свою работу, точно знали, что в этой комнате живут вещи, и люди не должны мешать вещам.

По всем стенам раскрасочной от пола и до потолка были полки, на них были расставлены птицы, звери, коробки, ларцы, народы,—весь мир животных и людей, сделанный из дерева и одетый красками как одеждами.

Мир этот просыхал, чтобы потом уехать в самые дальние углы земли и там радовать собой маленьких детей, украшать комнаты, стоять на письменных и туалетных столах, красоваться на выставках и в магазинах.

Перед каждым из раскрасочников стоял стол с кистями, красками и „бельем“.

Бельем назывался чистый нераскрашенный товар, который вырабатывала токарная мастерская.

Лиза в раскрасочной нашла свое место и там же нашла свою подругу Марусю Кондакову, с которой три года назад вместе ходила в первую ступеньку.

Лиза подсела к Марусе, а Деме с Гудковым сказала:

— Идите, выбирайте, я буду здесь.

Лепная мастерская была самой грязной и душной, кислый запах клейстера непривычных позывал на тошноту. От просыхающих бумажных игрушек плавали густые испарения. Одежда лепщиков была сплошь зашлепана клейстером, вид их был нелеп, смешон и жалок. Гудков спросил:

— Как ваша работа?

Лепщики усмехнулись, считая вопрос ненужным.

— Дворянская работа, — отозвался один с острой насмешливой мордочкой. Его все звали Лисицей.

— В аду, говорят, у товарища дьявола чище нашего.

Он встал, прошелся, шурша заляпаным халатом, и крикнул:

— Ну, лепило-мученики, чего загляделись, работай! И вы, замарашки,—цыкнул на девченок,—глазки новичкам не стройте, все равно не заманите.

— Ты за главного?—спросил Гудков.

— Да, главный крикун. Что же, дорогой товарищ, садись, лучшего не ищи. Говорят, скоро хлеба не будет, у нас с голоду не умрешь, клейстером накормим.

— Пошел бы, да тебя боюсь, все уши прожужжишь.

— Тогда проваливай,—Лисица протянул к Гудкову руку, вымазанную клейстером,—накормлю.

Гудков и Дема ушли. Лисица проводил их хохотом:

— Супчики, ха-ха-ха! В каком это барстве изнежились?

(Продолжение следует).

Сын своего класса

Рассказ АРТУРА КАРОТТИ
Рисунки Н. КУЗЬМИЧЕВА

Джордж, мальчик двенадцати лет, большой для своего возраста, славный и ловкий, был сыном ткача одной из больших фабрик в Пассаике, недалеко от Нью-Йорка. Отец его Джим был культурным рабочим и передал своему сыну все, что сам знал о природе и обществе. Таким образом он противодействовал тому яду, которым отравляли детей в капиталистических школах. Двенадцати лет от роду Джордж уже хорошо знал, почему плохо живется рабочему классу. Отец его не пил, не играл в карты, работал усердно, и все же они жили бедно, не доедали и питались большей частью суррогатами. Джим всегда с тоской думал о том, что будет с его женой и детьми в случае болезни и безработицы. Цивилизованная Америка не обеспечивает в случае болезни, безработицы или старости тех рабочих, благодаря которым она так богата.

У Джорджа было много друзей. Чаще всего он встречался с двумя: Беппо и Самом. Беппо был итальянец, сын сапожника, только что приехавшего из Италии, а Сам—сын польского еврея, ткача. У Сама было прозвище „Резиновые ноги", казалось, что его ноги без костей. Он мог согнуть их в виде буквы О или буквы Х к великому удовольствию своих товарищей. Сам был остроумен и болтлив.

Беппо жил в странном доме. Он был построен на свалке из нескольких балок и досок, к которым были прибиты крышки со старых ящиков и жестяные листы от керосиновых бидонов. Отец нашел этот материал в рухляди, выброшенной на свалку. Единственным расходом при постройке была покупка балок, железа на крышу и плата за землю.

В Америке, в самой богатой стране мира, много таких построек. Удивительно, как люди могут жить в них, особенно зимой.

Беппо скоро научился английскому языку, который он очень смешно коверкал. Он туго соображал, но был хороший товарищ, храбрый, искренний и очень сильный. Однажды Беппо по обыкновению ждал Джорджа, но, не дождавшись товарища, сам отправился к нему. Беппо застал его за серьезным разговором с „Резиновыми ногами".

— Почему ты не пришел?—спросил Беппо.

— Потому что об'явили генеральную забастовку,—сказал Джордж.

— Забастовку генералов?—переспросил итальянец.

Мальчики засмеялись.

— Какой ты дурак!—воскликнул Сам.—Разве ты не знаешь, что такое забастовка?

— Это что-нибудь вкусное?—Беппо отличался тем, что был всегда голоден.

— Нет,—сказал Джордж серьезно,—я тебе скажу, что это такое. Ты знаешь, что, несмотря на то, что все—хлеб, овощи, мясо, одежда, обувь, жилище стало дороже,—за десять лет хозяева не прибавили ни гроша.

— Это верно, так говорят отец и мать,—сказал Беппо.

— На прошлой неделе,—продолжал Джордж,—фабриканты об'явили, что они снизят плату, потому что она слишком высока, и хозяева мало зарабатывают.

— Грязные лгуны,—перебил Сам,—они становятся все богаче и богаче... Буржуи, эксплоататоры, кровопийцы!

— Когда рабочие узнали об этом,—продолжал Джордж,—они устроили митинги по всему городу и решили приостановить работу, пока фабриканты не прибавят жалованья. Вот это и есть забастовка.

— Может быть фабриканты найдут других рабочих, которые согласятся работать,—сказал Беппо.

— Штрейкбрехеры!—воскликнул Сам и сплюнул.—Штрейкбрехеры—это проклятые идиоты, которые работают там, где об'явлена забастовка,—об'яснил „Резиновые ноги".

— Забастовщики переговорят с штрейкбрехерами и убедят их уйти, рабочие будут дежурить на железнодорожных и трамвайных станциях и при входе на фабрику, чтобы встретить штрейкбрехеров,—сказал Джордж.

— Это называется пикет,—об'яснил Сам.

Беппо почесал голову, потом спросил:

— А если штрейкбрехеры не захотят уйти?

— Обыкновенно они уходят,—сказал Сам,—некоторые боятся, некоторым стыдно...

— Так в чем дело!—воскликнул Беппо с горящими глазами.—Отчего же мы не идем в пикеты?

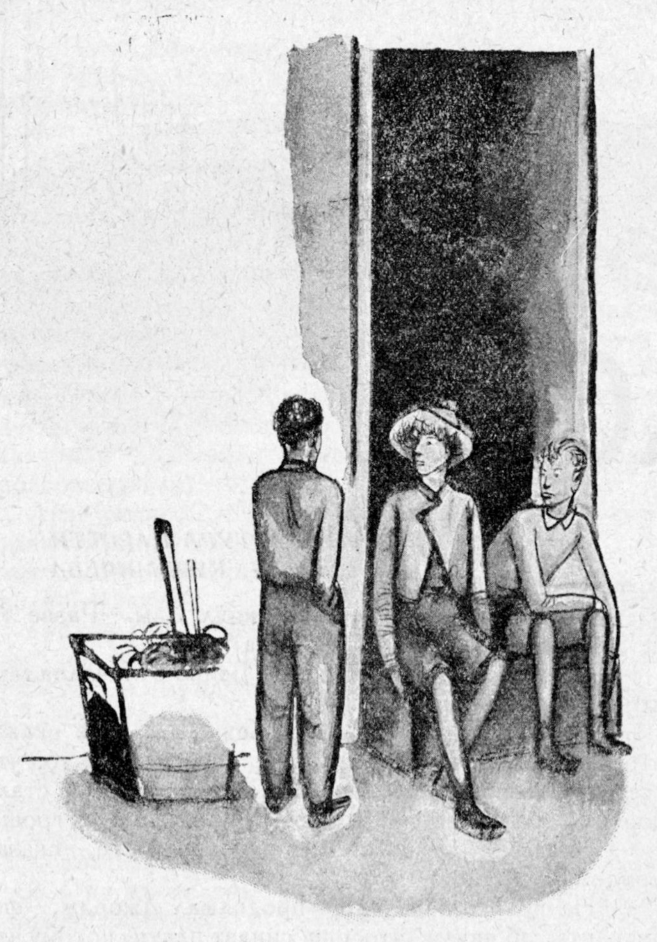
— Об этом мы как раз с Самом говорили, когда ты пришел,—ответил Джордж.

— Мы пойдем в пикеты,—подтвердил Сам.

— И я пойду с вами,—решил Беппо.

В этот день началась забастовка и продолжалась она десять месяцев. Это была великая, героическая борьба, и наши три друга принимали в ней деятельное участие.

Фабриканты решили не поддаваться. Они всюду искали штрейкбрехеров. Когда они видели, что

Беппо застал его за серьезным разговором.

пикеты отгоняли штрейкбрехеров, они звали полицию. И полиция разгоняла пикеты. Хозяева достали от одного судьи ордер о запрещении пикетов. Потом они организовали банду преступников и с разрешения полиции вооружили ее. Они приказали этим преступникам расстреливать все пикеты. Несколько забастовщиков было ранено, даже убито. Потом полиция арестовала вожаков забастовки. Было запрещено собираться на улицах и площадях, содержатели помещений были извещены полицией, что их помещение будет закрыто, если в них будут допущены митинги забастовщиков. Впоследствии было даже запрещено останавливаться на улицах и ходить больше, чем по три человека вместе.

Рабочие также решили не поддаваться. Им было нелегко. Несмотря на запрещение полиции, они находили способы говорить с штрейкбрехерами. Забастовщики получали деньги, собранные в других городах. Но в стране было много других забастовок и денег нехватало. Чтобы удешевить покупку и заготовку пищи, были устроены общественные кухни. Рабочие ближайших городов брали к себе детей забастовщиков. Против каждого нового притеснения забастовщики протестовали уличными демонстрациями. Когда полиция зверски разогнала демонстрацию, на улицу вышли женщины; они думали, что полиция не посмеет бить их. Но много женщин было арестовано и многие вернулись окровавленными или были отвезены в больницу. Тогда организовали детскую демонстрацию. Конечно полиция не тронет детей. Ведь Пассаик—город Северо-Американских Соединенных Штатов, страны, про которую говорят, что она самая цивилизованная во всем мире. Ведь это происходило всего в 30 километрах от Нью-Йорка, великого, богатого, удивительного города!

Отряд детей-забастовщиков в две тысячи человек был организован в Лоди. Лоди—небольшой городок близ Пассаика, на который не распространялись чрезвычайные меры полиции. Отсюда дети пошли в Пассаик. В первых рядах были и наши друзья: Джордж, Сам и Беппо.

По дороге, на границе Пассаика, дети встретились с сотней полисменов. Двенадцать из них были на лошадях. Все полисмены были большого роста, толстые, сильные люди, все были вооружены револьверами и нагайками.

Сам слышал от отца о жестокости царских казаков, когда они нагайками разгоняли рабочие демонстрации.

Не была ли Америка хуже царской России?

Казаки были невежественные люди, которых заставляли служить, а полиция Пассаика добровольно нанялась помогать фабрикантам эксплоатировать и морить голодом рабочих. Никто не заставлял их. Они это делали из жадности, из-за немногих жалких долларов, которые они получали от фабрикантов.

Демонстрация подвигалась. Маленькие демонстранты шли с пением революционных песен. Они верили в американское хваленое рыцарство, цивилизацию и любовь к детям.

Но едва они дошли до границы Пассаика, как полиция атаковала их с нагайками в руках. Дети с криком разбежались.

Наши друзья не убежали. Они выдержали нападение. Сам упал с окровавленной головой. Беппо схватил городового за руку и укусил ее до крови, его арестовали; Джордж нагнулся и схватил ногу шерифа, когда он бежал во главе своих людей. Шериф растянулся. Потом мальчик выскользнул из рук полисмена, перебежал дорогу, перескочил через низкий забор и исчез.

Через месяц Джим был в тюрьме, Нелли, сестра Джорджа, жила в знакомой семье в Вест-Ноброкен.

Мери, мать, осталась дома с Джорджем. Бедная женщина очень беспокоилась о своем муже и еще больше о сыне; она знала, что он будет сражаться до конца.

Беппо, пробыв две недели в тюрьме, был освобожден. Бедный Сам все еще лежал в постели. Около двадцати детей было изувечено жестокими полисменами.

Фабрики стояли. Фабриканты не могли найти и удержать достаточное количество штрейкбрехеров, чтобы начать работу.

Раз вечером получилось известие, что несколько штрейкбрехеров приедет с ранним поездом из Нью-Йорка. Стачечники должны были попытаться встретить их и помешать им стать на работу.

Джордж поговорил об этом с Беппо, и они решили исполнить свой долг.

На следующее утро они были по дороге к станции. Поезд пришел. Они заметили человека, которого вели два полисмена. Он не был арестантом. Его руки были свободны, и он разговаривал с городовыми. Это был человек мрачного вида, должно быть штрейкбрехер по ремеслу. Мальчики знали, что ниже по улице и на ближайших углах были поставлены пикеты: они представляли авангард.

Открылось окно, и какой-то человек крикнул:

— Ради солидарности не срывайте забастовки!

Штрейкбрехер ответил непристойным словом. Из других окон на него посыпались ругательства. Полицейские подняли револьверы и пригрозили людям, кричащим из окон, что они будут стрелять, если они не отстанут от штрейкбрехера.

— Долой стачечников!—крикнул штрейкбрехер.

Беппо потерял терпение. Он пришел с хорошим набором камней в кармане. Один из них полетел в штрейкбрехера, и он, пораженный прямо в лоб, упал на мостовую.

Тогда случилось нечто ужасное. Полисмены подняли револьверы, послышалось два выстрела. Джордж почувствовал сильный удар в левое плечо, он повернулся и упал на мостовую. Падая, он услышал крик. Потом все потемнело. Это крикнул Беппо. Итальянец, раненый в колено, тоже упал.

Полисмены и штрейкбрехер победили страшного врага.

Джордж увидел мягкий свет и опять закрыл глаза. Он услышал свое имя. Это был любимый, знакомый голос. Дрожь прошла по его телу. Он открыл глаза и увидел отца. Он захотел обнять его. Но страшная боль в плече заставила его вскрикнуть.

— Тише, тише, не шевелись,—сказал Джим, улыбнулся и провел ласково рукой по лицу мальчика.

Послышалось два выстрела.

Джордж вспомнил сцену на улице, полисмена, штрейкбрехера. В то же время он заметил, что он в постели, в незнакомой комнате. Здесь было большое окно. Он увидел синее небо, он услышал чириканье птиц.

— Мама, Нелли? — спросил он, обращаясь к Джиму.

— Они здоровы. Ты их скоро увидишь,—ответил ему отец.—Не разговаривай!

— Почему?

— Ты был без сознания почти месяц.

— Неужели?

— Да, рана в плече воспалилась. У тебя была сильная лихорадка.

Джордж не слушал. О себе он не думал.

— Где Беппо?—спросил он.

— Он придет тебя навестить сегодня вечером или завтра утром. Он немного хромает, — сказал Джим. Спохватившись, что он сообщил сыну плохую весть, он попробовал отвлечь его внимание и добавил:—И Сам тоже придет и еще один большой друг.

Маневр отца удался. Внимание Джорджа было привлечено тайной о большом друге.

— Кто он? — спросил он. — Стачечник?—Внезапно он забеспокоился. — Отец, скажи мне правду, как со стачкой?

Глаза Джима заблестели.

— Мы победили, мальчик. Третьего дня был подписан коллективный договор между союзом и ассоциацией фабрикантов. Мы почти все получили.

Джордж вздохнул глубоко и улыбнулся.

— Ты доволен? — спросил отец.

— Очень, очень доволен.

— Вот видишь, все обернулось к лучшему, — продолжал Джим. —Я освобожден, мама и Нелли здоровы, ты не потерял ни одного из своих друзей, наша великая борьба окончилась благополучно. Теперь я буду здесь сидеть, а ты спи опять. Ты еще нуждаешься в покое. Через несколько дней ты встанешь с постели. Еще через несколько дней ты свободно будешь владеть своей рукой. Спи, мой мальчик.

Джим сел около кровати Джорджа.

— Ты мне говорил о моем большом друге, кто он?

Джим улыбнулся и сказал:

— Это человек, который тебя спас... С опасностью для жизни он подобрал тебя раненым и убежал. Пикеты загородили дорогу полисмену, который хотел арестовать его. Хочешь его видеть?

— Конечно.

Человек вошел улыбаясь.

— Алло, Джордж,—воскликнул он. — Мне кажется, что через несколько лет я увижу тебя вождем рабочих.

Джордж улыбнулся.

— Мне неважно быть вождем. Я надеюсь, вы увидите меня в толпе рабочих, в день победы революции.

НА ФАБРИКЕ СВЕРДЛОВА

БОЙ СО СКЛОКОЙ, РАСХЛЯБАННОСТЬЮ, БЕЗДЕЛЬЕМ В ОТРЯДАХ СИТЦЕНАБИВНОЙ ФАБРИКИ ИМ. тов. СВЕРДЛОВА РАЗГОРАЕТСЯ ВСЕ ЖАРЧЕ И ЖАРЧЕ.

1 марта на сборе актива решили создать струнный кружок и живгазету. Редакция „Пионера" подарила кружку две мандолины.

Впрочем из приказа № 1 вы узнаете о всех решениях актива. Вот он:

ПРИКАЗ № 1

Штаба базы юных пионеров при фабрике имени тов. Свердлова.

1

С сего 1 марта 25-й и 76-й отряды ЮП при фабрике им. Свердлова об'являются на боевом положении.

2

Пионеры вступают в борьбу за оживление отрядной работы.

Силы противника: расхлябанность, скука, лень, хулиганство, игра в карты, неаккуратность, бесхозяйственность и т. д.

Наши силы: самодеятельность, инициатива, помощь вожатых, фабкома, ячеек ВКП(б) и ВЛКСМ и редакции журнала „Пионер".

3

Для руководства всеми боевыми операциями и стратегическими маневрами выделяется штаб базы.

4

Первыми боевыми действиями против неприятеля будет являться организация 3 кружков: физкультуры, живой газеты, струнного.

Штаб выделяет:

а) организатором кружка физкультуры тов. Ильина,

б) организатором кружка живгазеты тов. Карпинскую,

в) организатором кружка струнного тов. Богомолова.

Запись в кружки производится в течение 48 часов со дня опубликования приказа.

5

Категорически запрещается в помещении отряда находиться в пальто и головных уборах. Наблюдать за проведением всего вменяется в обязанность завхозу. Ему же поручается организовать ежедневное дежурство по пионерклубу.

6

Каждый воин-пионер обязан всегда и всюду носить красный пионерский галстук и при встречах с товарищами отдавать салют.

7

Дежурным по штабу и вожатым звеньев предлагается ежедневно отдавать рапорты начальнику штаба о состоянии дел на фронте (о положительных и отрицательных явлениях в жизни и работе пионера).

8

Приказ зачесть на всех звеньях базы и на группах в школе и вывесить на всех видных местах фабрики и школы.

Начальник штаба (Лаврентьев)
Секретарь штаба (Захарова)

Сценка из живой газеты. „Возня".

Пошли в ход новые мандолины.

2 марта скука получила первый чувствительный удар: было первое занятие живой газеты. Руководитель (заведующий редакцией „Пионер" т. Ивантер) рассказывал ребятам, как должна работать живая газета—„живая газета должна отражать жизнь отряда". Живгазетчики рассказали, что у них происходило в последнее

время в отряде, разбились на группы и каждая группа принялась обрабатывать отдельные случаи. Вот какую сценку придумали ребята.

О сборе негодной бумаги:

„На звене решили собирать бумагу. Один пионер вытащил из кармана клочок бумаги. У других же ребят бумаги не оказалось. Тогда они пошли на улицу, ободрали с забора афиши и принесли их в отряд. После этого все звено написало об'явления, что вот мы помогли государству—собрали бумагу. А потом оказалось, что на об'явления бумаги пошло больше, чем они собрали“.

Конечно на самом деле все это было не так, но ребята живо и весело показали, что сбор бумаги в отряде проходил плохо.

В 10 часов 15 минут 3 марта проводился смотр боевых сил базы. На смотр явилось 78 человек (по спискам в базе 120), из них 25 человек явилось без галстуков.

Провели физкультурную зарядку и перешли к разбивке на звенья. Большинство ребят захотело попасть в первое звено. Но, как известно, в одном звене 40 человек быть не может. Поэтому решено было разбить звенья по возрасту. Поднялся шум, гам, ребята вышли из строя, сбились кучей и оказалось, что большинству из них „уже исполнилось пятнадцать лет“. А тут пришло время итти в клуб на доклад правительства. Так и не удалось 3 марта разбиться на звенья.

Сценка из живой газеты. „Долой стулья!“

Шах королю

Разбились на звенья 4 марта на сборе актива и штаба. А 5 и 6 марта проходили сборы звеньев. Перед сборами секретарь „Пионера“ т. Шварц рассказал ребятам, как надо составлять план работы звена по новой системе. Звенья разошлись по разным комнатам, выбрали вожатых и помощников и начали вырабатывать планы.

Некоторые звенья скоро выработали хорошие планы. Но были и такие, которые посылали „гонцов“ к тт. Разину (ответственный редактор „Пионера“) и Шварцу, звали их к себе на звено и спрашивали, что им делать.

В конце концов все звенья наметили себе разнообразную работу: завести связь с немецкими пионерами и ознакомиться с их жизнью, работать в кооперативе, в яслях, с неорганизованными детьми, помогать распространению детской печати, заниматься моделестроением, кататься на коньках, организовать игры, хождение в кино и т. д. Тут же на звеньях поручали отдельным пионерам подготовку и проведение той или иной работы. В общем составление планов в большинстве звеньев прошло активно, хотя ребята долго не могли придумать интересных дел. Руководители сделали большое упущение: перед составлением планов не познакомили актив с книжкой „К работе по-новому“—эта книжка помогла бы составлению планов.

7 марта опять занимались кружки. Весело на занятиях, и ребятам очень это дело нравится. Мы решили не навязывать им пока никакой общественной работы, но уверены, что впоследствии струнный оркестр и живая газета будут устраивать вечера и утренники как для неорганизованных ребят, так и для взрослых рабочих. Наша цель—всю работу делать раньше всего интересной.

8 и 11 марта заседал штаб базы. Актив не умеет еще проводить свои сборы. Так, 11 марта получился такой беспорядок, что даже совестно писать про это: в середине заседания почти весь актив, включая сюда же и троих членов штаба, надел пальто, шапки, ребята стали шуметь, кричать и мешать друг другу. Председатель штаба, вместо того, чтобы вести заседание, сам кричал и разговаривал. Причиной шума и гама было желание некоторых ребят итти в кино; эти-то ребята и завели „ярмарку“.

В следующем номере мы опишем работу звеньев по новой системе.

ЦЕНА 20 КОП.

ЗВЕЗДОЧЕТЫ НАБЛЮДАЮТ ЗВЕЗДЫ

К рисунку на обложке

Перенесемся мыслью в глухое время 17-го века. Мы видим на рисунке двух звездочетов, двух астрономов того времени, с их необычными инструментами. Среди этих инструментов мы видим небольшой телескоп на подставке,— в него наблюдает один из звездочетов. Другой вероятно окончил наблюдения на секстанте, инструменте, представлявшем собою шестую часть круга ($^1/_6$ часть 360° составляет 60°), т.-е. дугу в 60°, укрепленную на штативе. На этой металлической дуге нанесены были, обыкновенно, деления на градусы и даже на минуты, для отсчета положений звезд на небе. Второй звездочет что-то пишет и заносит, очевидно результаты наблюдений на особый лист. На листе мы видим совсем особенный рисунок: это гороскоп, т.-е. особым образом составленное и написанное предсказание о судьбе какого-нибудь человека, по звездам. В „Звездочете“ мы уже писали об астрологии; она процветала еще и в 17 веке. И в 17-ом веке в большом ходу были предсказания по звездам людской судьбы. Значит, рисунок изображает двух астрологов за составлением гороскопа.

Составлять гороскопы не отказывались и самые выдающиеся астрономы 17-го века: Тихо Браге, Кеплер и другие.

Проф. К. Баев.

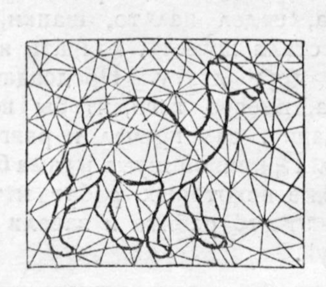
ОТГАДАЙ!

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В №№ 2 и 3 „ПИОНЕРА“

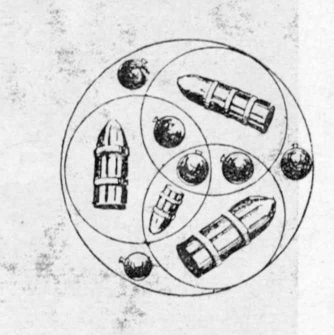
ГОЛОВОЛОМКА № 7

1	15	14	4
12	6	7	9
8	10	11	5
13	3	2	16

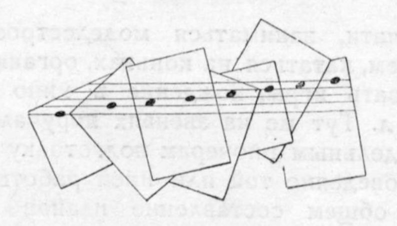
ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА № 8

№ 9 (ОТДЕЛИТЬ СНАРЯДЫ, И ГРАНАТЫ)

№ 10 (СОСТАВИТЬ ГАММУ)

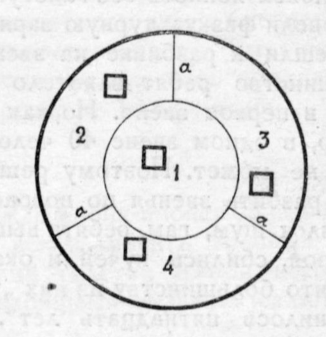
№ 11 (МОЗАИКА)

Вот что прочли ребята:

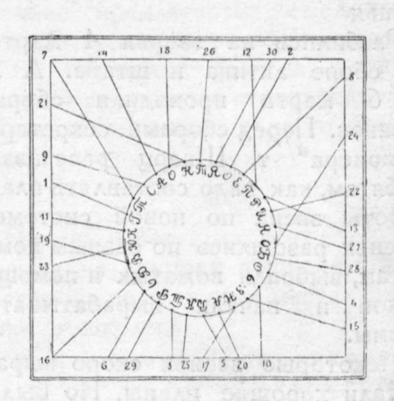
«У кого за спиной завод,
В сердце след фронтового озноба,
— Снаряжайся в новый поход
На учебу!»

Жаров

№ 12 (ГРАНИЦЫ УЧАСТКОВ)

№ 13 (СПУТАННЫЕ ЛИНИИ)

По порядку линий читается лозунг: **«ГОТОВЬТЕСЬ К ПРАЗДНОВАНИЮ ОКТЯБРЯ».**

№ 14 (ЗАГАДКА-ШУТКА)

Если написать в ряд химические обозначения этих элементов, то получится: НОС.

Москва. Главлит А 34.713. Изд. № 3281. «Мосполиграф», 16-я тип., Трехпрудный, 9. 45.000 экз.